

ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ

По мотивам одноименной повести
Аркадия и Бориса СТРУГАЦКИХ

ВАГОН Поезда. НОчь. ЛЕТО. ПОЛЬША

За окном вагона движутся, проплывая, багровые пятна далекого огня. Это горят леса.

Багровый отблеск зарева падает на низкие облака. Иногда огонь оказывается совсем близко, и тогда кажется, что поезд движется внутри раскаленной топки, словно въезжая в преисподнюю.

В полутемном вагоне поезда только один пассажир. Это Виктор Банев. Он сидит у окна, дремлет, периодически то открывая глаза, то закрывая. Он небрит, похоже, он в пути уже несколько дней, и дорога изрядно вымотала его.

По всему составу, от вагона к вагону, прокатывается металлический лязг. Поезд тормозит, останавливается. Виктор поднимает голову, смотрит в окно.

Горящий лес подступил почти вплотную к полотну железной дороги, стелется плотный дым, в его разрывах видны пожарные машины.

Открывается дверь из тамбура, входит Проводник. Поводив взглядом по сумеречному вагону, он отыскивает Виктора, подходит к нему.

Проводник (анг.): **Вы, помнитесь, справлялись насчет пересадки?**

Виктор (анг.): **Да.**

Проводник (анг.): **Не знаю, что сказать... Такая обстановка на дорогах... сами видите** (кивает в сторону окна). **Все расписание поломано.**

Виктор (анг.): **А что делать?**

Проводник (анг.): **Через два километра станция. Попробуйте там сойти и пересесть на автобус.**

Виктор (анг.): **Спасибо.**

Проводник уходит.

Виктор смотрит в окно.

Проводник идет по проходу, направляясь к противоположной двери. Теперь видно, что в полутемном вагоне еще есть пассажир. Это Полная Женщина, похоже, чувствующая себя не очень хорошо. Она демонстративно обмахивается журналом и громко и тяжело дышит. Когда проводник оказывается рядом, она останавливает его.

Полная женщина (англ.): **Простите, я не пойму, кондиционер что, не работает? Абсолютно нечем дышать.**

Проводник (англ.): **Что вы, работает.**

Он демонстративно прикладывает ладонь к отверстию вентиляции.

Проводник: **Все в порядке. Просто, видите, жуткая жара. Раскаленный воздух. Хотите, я принесу вам воды? Она холодная.**

Полная женщина: **Да, пожалуйста.**

Проводник уходит.

Виктор встает, берет свою сумку и идет в тамбур вслед за *Проводником*.

Дверь тамбура открыта, и виден *Проводник*, стоящий на ступеньке поезда и держащийся за поручень. Он выглядывает наружу, пытаясь понять — что там, впереди. Поезд чуть вздрагивает, но тут же останавливается.

Сквозь открытую дверь видны пожарные и пожарная машина, горящие посадки вдоль пути. *Проводник* оглядывается, замечает *Виктора* и разводит руками, затем снова кричит пожарным, продолжая выяснять у них обстановку.

Проводник (польск.): **Это что, надолго? Что? Не слышу... Объявили, что линия закрыта на двое суток... Да? Не знаю... Говорили, отменят все поезда на Варшаву...**

УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ВАЛЕНТИНА. ДЕНЬ. ЛЕТО. ПОЛЬША

Желтое, раскаленное небо. По улице ветер несет желтую пыль, похожую на песок.

Виктор медленно идет по улице. Смотрит на дома. На плече у него большая сумка. Когда он приближается к дому 17, даже по его лицу видно, что в душе у него нарастает напряжение. У него такое лицо, будто он нашел то, что давно искал – и сам не может в это поверить.

Он достает блокнот, листает. Смотрит на рисунок фасада в блокноте...
...затем на фасад самого дома.

Потом подходит к калитке, нажимает кнопку переговорного устройства. Ни малейшей реакции в ответ, дом за забором и кустарниками словно вымер. Жалюзи плотно закрывают окна.

Виктор нерешительно поворачивается, делает несколько шагов прочь – и вдруг снова резко оглядывается.

Он видит, как видеочамера наблюдения беззвучно поворачивается, следя за ним. Тогда он возвращается.

Глядя прямо в глазок видеочамеры, отчетливо произносит.

Виктор: Господин Пильман, я очень хочу поговорить с вами. Я уверен, вы меня сейчас видите и слышите, поэтому я говорю по-русски. Меня зовут Виктор Банев. Я писатель. Русский, последние несколько лет живу в Америке, завтра я улетаю в Россию. В Ташлинск. Понимаете? В Ташлинск...

(Пауза.)

Виктор: Ни одна живая душа не знает, что я здесь.

ДОМ ВАЛЕНТИНА

На экране видеомонитора мы видим Виктора. Перед монитором – лицо человека, небритое, нездоровое и одутловатое. Он смотрит на Банева, потом нажимает кнопку.

УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ВАЛЕНТИНА

Громко и отчетливо в тишине щелкает замок. Створка медленно открывается. Виктор входит внутрь.

ПРИХОЖАЯ В ДОМЕ ВАЛЕНТИНА

Дверь дома захлопывается за спиной Виктора. В доме – тьма. Виктор останавливается на пороге, щурится, моргает – и, когда глаза немного привыкают к темноте, видит..

...что в глубине прихожей стоит неопрятно одетый человек и целится в него из ружья.

Валентин: Поднимите руки.

Виктор поднимает руки.

Виктор: Я один, господин Пильман.

Валентин: Вы меня знаете?

Виктор: По фотографиям.

Валентин: Пока вы не объясните, как меня нашли, я буду держать вас на мушке, писатель. И если ваш ответ мне не понравится...

Виктор: Ответ будет очень странным. Предупреждаю.

Валентин: Валяйте.

Виктор (мгновение молчит, собираясь с мыслями): Дело в том, что... Ну, в общем, три недели назад я добился зачисления в комиссию ООН по Ташлинску. Это было сложно, но мне удалось. Когда я был допущен к документам, то понял, что... чем больше отчетов читаю, тем меньше понимаю, что там происходит.

Валентин (ворчливо): Не вы один.

Виктор (переведа дух): Я обратил внимание, что ваши отчеты наиболее содержательны. Особенно в том, что касается так называемых мокрецов... Потом прочел, что вы загадочно пропали из Ташлинска. Вас начали искать. Поэтому я вполне понимаю те меры предосторожности...

Валентин (прерывает): Стоп-стоп. Вы не ответили на мой вопрос. Как вы меня нашли?

Виктор: Можно я опущу руки?

Валентин (жестко): Нет. И отойдите влево.. Я сказал, к стене. Руки!

Виктор: Это самодурство, доктор Пильман.

Валентин: Как вы меня нашли?

Виктор (тяжело вздыхает. После паузы): Я увидел во сне.. ваш дом. Название улицы и номер на табличке.. Хотите – верьте, хотите – нет. Можете считать это бредом. Я и сам так считаю.. Я.. честно сказать, я очень странно себя чувствую все эти дни. Вот уже пять дней я ношусь по Европе и смотрю – тот дом, не тот? Ваш городишко – восьмой из тех, что я посетил.

Валентин несколько мгновений размышляет, а потом опускает ружье.

Валентин: Возможно, я единственный человек на планете, который в состоянии поверить вам. Вольно, господин Банев.

Виктор опускает руки. *Валентин* вдруг приветливо улыбается. Делает приглашающий жест.

Валентин: Ладно. Не обижайтесь. Прошу в кабинет.

Они идут в глубь дома.

КАБИНЕТ ВАЛЕНТИНА

Света почти нет, окна плотно закрыты ставнями; в скупом свете видно, что в доме – страшный кавардак, и повсюду валяются книги и папки с бумагами. В кабинете несколько светлее. *Валентин* указывает *Виктору* на свободное кресло, сам садится на другое, у письменного стола, предварительно сняв с него стопку толстых академических журналов и переложив ее прямо на пол – больше некуда. Он достает воду.

Валентин: Хотите?

Виктор: Да, спасибо.. Страшная жара.

Валентин: Зачем вам в Ташлинск?

Виктор: Я же сказал вам. Я член международной комиссии.

Валентин: Это я понял. А как вы попали в эту комиссию? Только честно. Вы – писатель, ни малейшего отношения вроде бы не можете иметь к проблематике..

Виктор молчит.

Валентин: Неужели действительно из-за денег? Страсть к сенсациям?

Банев не отвечает, только ходят желваки на его щеках.

Валентин: Боже, что за времена.. деньги, деньги..

И тут *Виктор* взрывается, самообладание ему изменяет.

Виктор: Да при чем тут деньги?! Сенсации? Не было другого способа попасть в Ташлинск.. В общем, личная у меня причина..

Похоже, что *Виктору* становится неловко за свою вспышку.

Виктор: Извините. Что-то я.. Можно еще воды?

Валентин: Конечно. Ничего, я понимаю. Это вы извините меня.

Пауза. *Валентин* поднимает глаза на *Виктора*.

Валентин: Хорошо. Задавайте свои вопросы.

Виктор открывает сумку, достает листы, перебирает их.

Виктор: Вопрос первый. Что на самом деле происходит в Ташлинске? Что там?

Валентин: Что там.. Хороший вопрос.. Помните, у *Зурзмансора*.. Он твердо знал, что все это сон: и эти горящие леса, и черное от дыма небо, и расплавленный асфальт городов.. Вся эта погубленная планета, не выдержавшая ненасытного монстра под названием человек. Что стоит только проснуться – и вокруг будет совсем другая земля и другое небо.. Кстати, вещь так и называется – «Другое небо». Заметьте..

Виктор: Доктор Пильман, у меня очень мало времени. Может, приступим?

Валентин: Приступим, приступим. Что это у вас за листочки?

Виктор: Это вопросы. Они как бы с предисловиями. Я выписал то, что считал нужным. Если в чем-то я ошибусь – вы, кстати, поправляйте, пожалуйста.

Валентин: Хорошо. Давайте.

Виктор (собравшись с мыслями): **Итак, жил-был город-призрак. Ташлинск-20. Один из многих сверхсекретных городов Советского Союза. Вопрос такой: что именно создавали в Ташлинске-20?**

Валентин: **Материал есть. Но должен сразу сказать – это ложный путь. Он ни к чему не приведет. Поэтому советую сразу переходить к другому вопросу.**

Виктор: **К другому так к другому. В бывшем секретном городке ни с того ни с сего затевают школу-интернат для особо одаренных детей. И начинаются сенсации: новые методики обучения, развитие природных талантов... Что ни дитя – то вундеркинд. Какие именно методики обучения использовались? Кто их разработал? Какие именно открытия дети совершали? Всего этого нет в отчетах...**

Валентин молча снимает с полки пухлую папку, потом, сделав шаг и поведя в поиске пальцем по корешкам, другую.

Валентин: **Это уже горячее. Уже почти совсем горячо. Так... Вот эта папка. И еще к ней... Дополнение... Об ученых с мировым именем, почему-то оказавшихся в Ташлинске.**

Валентин кладет папки перед Баневым.

Валентин: **Что дальше?**

Виктор: **Дальше... Наступает климатическая катастрофа. Очень локальная, как я понимаю. Так?**

Валентин: **Так.**

Виктор: **И возникает какая-то генетическая болезнь, возникают невесть откуда взявшиеся какие-то мокрецы. То ли пришельцы, то ли мутанты. Я правильно излагаю?**

Валентин: **Правильно.**

Отходит к стеллажам

Виктор: **На городок немедленно наваливается комиссия ООН и еще куча других комиссий. И устанавливают такой режим изоляции, по сравнению с которым бывшая советская секретность – просто-таки торжество открытого общества. Почему?... И почему в некоторых отчетах сказано, что режим изоляции установили сами мокрецы? Получается, и те и другие. Зачем?**

Валентин выбирает еще одну папку, удовлетворенно кивая каким-то своим мыслям, и приносит ее Баневу.

Валентин: **А вы, надо сказать, неплохо подготовились. Ценю. Это приятно. Больше вопросов нет?**

Виктор: **Пока нет.**

Валентин кладет папки и направляется к выходу.

Валентин (оглядывается): **Ладно. Читайте. Приготовлю поесть. Вы, кстати, что пьете?**

Виктор открывает папку.

Виктор: **В жару – ничего. В основном воду.**

Валентин: **Это правильно.**

ВЕРАНДА В ДОМЕ ВАЛЕНТИНА. ДЕНЬ. ЛЕТО

Небольшая застекленная веранда, освещенная лишь смутным светом с улицы через щели в плотных жалюзи. Посредине стоит столик с питьем и легкой закуской, наспех по-холостяцки организованной Валентином для гостя. Валентин завершает последние приготовления к застолью. Кормит большого рыжего кота, параллельно говорит по телефону по-немецки.

Валентин (нем.): **Да. Поставь машину возле дома. И не забудь, оставь ключи... Да... Не думаю... Может, час-полтора... Давай, об этом потом. Я сейчас не могу говорить... Хорошо. Пока.**

Виктор входит на веранду. Валентин жестом приглашает его к столу.

Валентин: **Прошу.**

Виктор: **Спасибо.**

Садится к столу.

Валентин: **Ну что, помогли вам мои бумажки?**

Виктор: **Пока не знаю...**

Валентин наливает коньяк себе, замирает над второй рюмкой, вопросительно смотрит на Виктора.

Валентин: Может, чуть-чуть?

Виктор: Чуть-чуть.

Валентин наливает коньяк в рюмку Виктора.

Валентин: Ну, ваше здоровье...

Виктор: Ваше здоровье.

Пьют.

Виктор: И все-таки, кто они? Эти мокрецы? У вас ведь есть концепция?

Валентин: Есть.

Виктор: И как она звучит? Если кратко.

Валентин: Если кратко, она звучит так. Они – чужие. И они – враги.

Виктор: Враги кому?

Валентин: Нашей цивилизации. Просто не все еще это понимают, но нашей цивилизации объявлена война.

Виктор: Какая война, бросьте. Это смешно. Сколько их? Ну, десять, двадцать. Ну, детей в интернате... Человек шестьдесят...

Валентин: А сколько было первых христиан? А против них – Древний Рим, империя, Нерон и все прочее. Ну и что осталось от этой империи?

Виктор: А зачем им дети?

Валентин: Это очевидно. Дети – будущее. Кто управляет детьми – тот управляет будущим...

Виктор: Они ими управляют?

Валентин: Не знаю... Понимаете, Виктор, тут вопрос в другом. С кем вы? Мне иногда кажется, что я нашей цивилизации тоже враг и... я не уверен, что знаю, кому в этой войне я желаю победы...

АЭРОПОРТ. ВЕЧЕР. ЛЕТО. РОССИЯ

Через стекло фасада видно, как по взлетному полю движется прилетевший лайнер. Видно желто-багровое раскаленное небо с темными тучами по краям.

Диспетчер: Прибыл рейс 112 из Франкфурта.

Виктор идет по балкону аэропорта среди других пассажиров. Балкон находится снаружи, и горячий раскаленный ветер несет по террасе, забивая глаза пылью.

В кармане у Виктора звонит телефон. Виктор вынимает трубку, смотрит на дисплей. Некоторое время он явно колеблется – отвечать или нет. Потом все же нажимает на кнопку, отходит в сторону, вглядываясь сквозь стекло вовнутрь, в здание аэропорта.

Виктор (англ.): Слушаю.

ОФИС ЛИТАГЕНТА В АМЕРИКЕ. УТРО

Типичный американский офис. Мьюриэл – женщина средних лет сидит перед своим столом, заваленным бумагами, прижимая трубку к уху; в свободной руке у нее чашечка кофе. Когда в трубке гудки сменяются голосом Виктора, она ставит чашечку на стол.

Мьюриэл (англ.): Виктор! Господи! Наконец-то! Куда ты пропал? ...Я уже не знала, что думать... Что случилось?

Виктор (англ.): Не успел позвонить. Рейс задержали. Да-да, Мьюриэл, прости. Я потом объясню.

Мьюриэл явно обижена, но старается держать себя в руках.

Мьюриэл (англ.) (подчеркнуто сухо): Ну, хорошо. Тогда перехожу к делу. Твоя бывшая жена оказалась вполне расторопна. Она скопировала свидетельство о рождении дочери, восстановила метрики. Передаст только при личной встрече... Не знаю... Не сказала... Ну, может, просто хочет с тобой встретиться.

АЭРОПОРТ

Виктор: И где мы с ней должны встретиться?.. Ну, хорошо. Спасибо.

Он дает отбой и прячет трубку.

Виктор входит в здание аэропорта, оглядывается, замечает тут же, неподалеку, кафе – и направляется туда.

У столика поодаль, близ окна, сидят мужчина и женщина. Бывшая жена Виктора – Людмила и ее муж. Заметив Виктора, она машет ему рукой. Виктор подходит к ним.

Виктор: Здравствуй. Извини, если заставил вас ждать. Рейс задержали.

Людмила (вставая): Ничего, мы тоже опоздали. Здравствуй.

Мгновение они неловко стоят друг против друга; обмениваться рукопожатием нелепо.

Людмила: Познакомься, это мой муж. Игорь.

Мужчина поспешно протягивает Виктору руку.

Муж: Игорь.

Виктор: Виктор.

Они чинно садятся. Женщина вынимает из сумочки какие-то документы, листы бумаги в прозрачной папке, передает Виктору.

Людмила: Вот все, что просила твоя адвокатша. Или кто она там..

Виктор (забирая бумаги): Неважно. Литературный агент.

Людмила: Сколько ты пробудешь здесь?

Виктор: Нисколько. Вечером улетаю в Ташлинск.

Людмила: Все как всегда. Иностранцу туда можно, а нам нельзя. Да.. Вот еще что. Я дам тебе ключ от ташлинской квартиры.. я тут написала адрес на всякий случай, если ты забыл..

Виктор: Не забыл.

Людмила: Пожалуйста, зайди туда, посмотри.. Нельзя, чтоб без присмотра, квартира же. Могло стекла выбить ветром, могло залить.. вору могли забраться.. Ира раньше заходила, проверяла, а теперь – не знаю. Теперь уже ничего не знаю.

Она достает из сумочки ключи и отдает Виктору.

Виктор (чуть помолчав): Проверю. Конечно.

Заминка в разговоре. Не о чем говорить.

Людмила (чуть улыбнувшись, беспомощно): Ну вот, вроде все уже и сказали..

Виктор: Похоже на то.

Опять заминка.

Людмила (набравшись смелости): Вообще-то, я хотела тебе еще кое-что сказать. Не знаю, стоит ли..

Муж: Людочка, может, не надо?

Людмила: Игорь, посиди, пожалуйста, вон там.

Муж: Но..

Людмила: Пожалуйста.

Муж: Хорошо, хорошо..

Муж, помолчав мгновение, с каменным лицом отворачивается и уходит, и даже садится в кресло лицом к окну.

Людмила: Я не хотела говорить, но.. Если честно..

Виктор: Ну, говори, говори.

Людмила: Если честно, то знаешь, мне очень не понравился твой тон, когда мы говорили с тобой последний раз, по телефону. По поводу документов..

Виктор: Я помню. И что?

Людмила: Мне показалось, как будто ты меня осуждаешь. Как-то так все это прозвучало.

Виктор: Что прозвучало?

Людмила: Ну не надо. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Я хочу сказать вот что: во-первых, у тебя нет ни малейшего права меня осуждать. Ты решил, по-моему, что я просто избавилась от дочери, сбыв ее с рук в какую-то богадельню, вот как ты со мной говорил.

Виктор: Боже мой. И в мыслях не было.

Людмила: Не ври. Не надо. Так вот это не так. Это не просто интернат. Это интернат для гениальных детей. Ты не представляешь, сколько я порогов обила, сколько денег переплатила, чтобы Иру туда взяли. И не зря старалась! Про Ирочку уже через три месяца писали в «Ташлинской правде». Что-то она такое открыла... или доказала... Про тебя так никогда не писали!

Виктор (спокойно и устало): На то и дети, чтобы превосходить своих родителей. Я только удивляюсь, что ты мне тогда не позвонила. Я бы вместе с вами порадовался...

Людмила: А мне вовсе не хотелось, чтобы ты радовался. С какой стати тебе радоваться? Где ты, где мы?

Виктор (примирительно): Тоже верно.

У женщины начинают дрожать губы. Несколько мгновений она молчит, стараясь справиться с собой, но на глаза ее наворачиваются слезы.

Людмила: Вот. Я хотела, чтобы между нами не оставалось неясностей. Только и всего.

Виктор: Все в порядке. Не осталось.

Он поднимается со своего места. Людмила тоже. Она словно хочет еще что-то сказать, но уже не знает, что. Потом Людмила отворачивается и начинает плакать – тихо, безнадежно.

Виктор неловко стоит рядом.

Виктор: Мила, ну что такое... Успокойся.

Людмила: Ты не понимаешь... Кто мог знать? Я уехала сюда, к Игорю, а там вдруг началось... Мы ничего не смогли сделать, туда не пускают и оттуда не выпускают... даже позвонить нельзя, понимаешь? Даже позвонить!

Виктор: Я понимаю, тебе нелегко пришлось, но что делать.

Людмила (будто не слыша): Я видела сон, что она заразилась и умерла... (Пауза.) **Какие-то пауки на ней, с вот такими лапами... схватили и держат... мокрые, без лиц...**

Виктор: Пауки без лиц – это нормально.

Людмила (свирепо; у нее даже высыхают слезы мгновенно): Ты еще можешь шутить!

Виктор смотрит на нее сверху вниз – понимающе, снисходительно и с жалостью. Когда она ловит этот взгляд – он ей совсем не нравится.

Людмила (мужу): **Игорь, нам пора!** (Виктору.) **Пожалуйста, позвони, как только узнаешь что-нибудь.**

ЗАТОПЛЕННЫЙ РАЙОН. ВЕЧЕР. ЛЕТО. КАБИНА ВЕРТОЛЕТА

Из иллюминатора вертолета сквозь ключья тумана и низких облаков видны затопленные строения, дома, часть улицы.

Виктор смотрит сквозь иллюминатор вниз, на затопленные дома. Но густые облака плотно застилают пространство за стеклом.

Пилот вертолета выглядывает из кабины и делает какой-то знак рукой, похожий на команду «пристегнитесь».

ТАШЛИНСКИЙ АЭРОДРОМ. ВЕЧЕР. ЛЕТО

Серая, сумеречная, полная летящей водяной пыли мгла без конца и края. Ближайшие предметы еще как-то просвечивают в ней, угадываются, но дальше – серая водянистая бездна. Ревут моторы – ближе всего вертолет с вращающимися лопастями, дальше угадываются два тяжелых транспортника, по рамповым пандусам которых медленно выгружается то ли военная, то ли эмчээсовская техника.

Из открытой дверцы вертолета, по сброшенной металлической лестнице, пряча лицо от гонимого винтом ветра, полного секущих мелких капель, спускается Виктор. Его встречает у трапа человек в плаще с поднятым капюшоном, когда Виктор оказывается наконец на земле, человек козыряет ему, Виктор в ответ неловко кивает, не зная, как себя вести. Человек в плаще делает приглашающий жест, потом куда-то показывает вперед, что-то говорит – но видно лишь, как открывается и закрывается рот, слов не слышно в гуле моторов транспортов и громе близкого двигателя «вертушки». Виктор идет вслед за человеком в плаще

Впереди, показываются смутные очертания каких-то строений, влево и вправо от которых уходит высокая ограда из бетонных столбов, несущих несколько рядов колючей проволоки.

Человек в плаще открывает перед Виктором торцевую дверь длинного ангара. Виктор входит внутрь.

КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНОЙ. ПУНКТ. ВЕЧЕР. ЛЕТО

В ангаре уже тише, Виктор идет вперед по длинному коридору, тускло освещенному мертвенным, мигающим светом редких ламп. Проходит через турникет детектора. За ним – перегородка, слева от которой, под прикрытием прозрачной перегородки, сидит пожилой человек в военной форме.

Виктор наклоняется к окошечку в перегородке, протягивает документы. Военный чиновник берет его паспорт, внимательно изучает, несколько раз вскидывая глаза на Виктора и снова опуская их к фотографии.

Чиновник: Где фотография сетчатки?

Виктор: Там, в паспорте. Вложена в конце.

Чиновник внимательно изучает снимок сетчатки глаза Виктора.

Чиновник: Анализ крови?

Виктор молча подает ему очередную бумажку.

Чиновник просматривает анализ, будто представление медицинских справок на контроле – не простая формальность, и он в них что-то понимает. Потом откладывает.

Чиновник: Заключение пульмонолога?

Виктор вновь отдает ему затребованный документ, не говоря ни слова.

Чиновник (сварливо): Документы надлежит подавать в комплекте.

Виктор: Снимок сетчатки я подал вам в комплекте. Вы его не заметили.

Чиновник, смерив Виктора взглядом, отдает ему паспорт.

Чиновник: Хорошо. Все в порядке, проходите. Добро пожаловать в Ташлинск, господин Банев.

Виктор: Благодарю вас.

Виктор минует пропускной пункт. Его сумка уже дожидается его по эту сторону всех преград. Виктор взваливает ее на плечо и выходит наружу.

ПРИЧАЛ ВОЕННОЙ БАЗЫ

Кроме ливня почти ничего не видно – темные остовы низких двухэтажных домов, какие-то башни, ангары, силуэты военных катеров. У причала стоит единственный катер с эмблемой ООН. У сходней – группа военных, американских и русских, слышна английская речь.

Среди группы один человек в гражданском. Это Големба. Он стоит особняком, нахихлившись, втянув в плечи голову, покрытую блестящим от дождя капюшоном, и резко спорит с кем-то из военных. Он замечает появившегося на пирсе Банева.

Виктор проходит еще один контроль, предъявив пропуск, подходит к катеру. Ему навстречу, отделившись от группы, идет Големба.

Големба: Господин Банев? Здравствуйте. Я – Айзек Големба.

Виктор: Здравствуйте, господин сопредседатель комиссии...

Големба: Оставьте. Можете звать меня просто Айзек... или Айк. Идемте, катер отходит... Как добрались?

Виктор: Все хорошо, спасибо.

Виктор и Големба торопливо поднимаются по сходням. Матросы убирают сходни, мотор прибавляет обороты.

КАТЕР

Виктор и Големба идут по палубе.

Големба: Сейчас я вас представлю другим членам комиссии... тут не все, но... самые... Моя фракция, скажем так...

Виктор: А есть и другие?

Големба: **Есть.**

Они спускаются вниз. Идут по короткому коридору, Големба открывает дверь и пропускает Виктора вперед, входит за ним следом. У квадратного стола сидят мужчина и женщина, когда Виктор и Големба входят, они встают.

Големба: **Вот и наш новый коллега, господа. Виктор Банев.**

Виктор делает шаг вперед.

Големба: **Геннадий Комов. Сопредседатель от России, доктор наук, физик.**

Комов улыбается Виктору – у него неяркая, мягкая улыбка и открытое лицо. Комов и Виктор обмениваются рукопожатием.

Комов: **Очень приятно. Наслышан. В свое время читал вас... с удовольствием читал. Пока было время на серьезные книги.**

Виктор: **Теперь его нет?**

Комов (с легкой горечью): **Теперь нет.**

Големба: **Виктор, это Диана Грэгор. Психолог.**

Виктор: **Очень приятно.**

Диана: **Мне тоже. Извините, мой русский не очень хорош.**

Виктор: **Что вы, у вас прекрасный русский.**

Диана первая протягивает Виктору руку.

Виктор (Комову): **Сколько нам плыть?**

Комов: **Часа три...**

Големба: **Вы голодны, Вик?**

Виктор: **Да как сказать... Пожалуй, да. Позавтракать я не успел.**

Големба: **Здесь есть буфет. Кофе, бутерброды. Если хотите согреться...**

Виктор (с улыбкой): **Намек понял.**

Големба: **Устраивайтесь. Я к вам сейчас присоединюсь.**

КАТЕР. ЗАТОПЛЕННАЯ МЕСТНОСТЬ

Сизый густой туман и проливной дождь. В двух десятках метров все уже расплывается, исчезает. Мерно тарахтит мотор катера. Луч прожектора, расположенного над рубкой, высвечивает сумеречное пространство, скользит по серой стылой воде. На поверхности время от времени видны какие-то обломки, доски. Кое-где видны торчащие из воды верхушки деревьев. За ними – стены домов, каких-то строений. Картина жутковатая, потусторонняя. Будто в мире уже не осталось ничего, кроме воды и старенького катера, плывущего в никуда и поминутно посылающего сигнал в гулкое туманное пространство.

Виктор стоит на палубе, под навесом у столика. Перед ним чашка кофе, бутерброд, рюмка коньяка. Виктор пьет кофе, вглядываясь в сумеречный пейзаж.

К столику подходит Големба, бережно несет кофе, боясь расплескать. Он останавливается напротив Виктора. В глубине, у стойки, видны Диана и Комов, они что-то заказывают.

Виктор (Голембе): **Какие у меня будут обязанности, Аик?**

Големба: **Боюсь, уже никаких.**

Виктор: **Как это?**

Големба: **А вы не догадываетесь, почему это мы все оказались в областном центре? У нас было совещание с военными. В руководстве объединенных штабов.**

Виктор: **И что?**

Големба: **Все. Финиш. Комиссию могут закрыть со дня на день. Военные намерены начать активные действия.**

Виктор: **Подождите. Какие действия? Против кого?**

Големба: **Против климата, надо думать. Предусмотрено массированное распыление противооблачных коагулянтов объединенными силами стратегической авиации.**

Виктор: **Когда это может произойти?**

Големба: **Хоть завтра... Вообще-то, решение еще не принято. Официально. Но шансов на что-то другое... почти никаких. Самое неприятное, что они теперь начнут выкручивать руки нашей комиссии.**

Виктор: **То есть?**

Големба: **Им же нужна легитимность, наши подписи. Дескать, ученые рекомендуют. Ну, вы понимаете...**

Виктор: Коагулянты... Но это же химия. А людей этим не отравят?

Големба: Правильно мыслите... Людей эвакуируют. Детей в первую очередь. Вас ведь это интересует?

Виктор: Откуда вы.. С чего вы взяли?

Големба: Перестаньте, Виктор. Знать ваше досье – моя обязанность. И кстати, что касается вашей проблемы... Помочь я вам не смогу, но и мешать не буду. Договорились?

Виктор: Договорились. Спасибо.

Големба: Пейте кофе, остынет.

Виктор: Да-да...

Виктор пьет кофе, смотрит на проплывающие за бортом затопленные дома.

Виктор: Значит, людей эвакуируют. Это хорошо... А эти... мокрецы? Их куда эвакуируют?

Големба болезненно морщится.

Големба: Никуда.

Виктор: И что с ними будет? Распыление коагулянта... Концентрированный раствор... Вода будет вбирать в себя всю эту дрянь – может, час, может, пять... Потом выпадет... Я правильно понимаю?

Големба молчит, глядя в сторону.

Големба: Да, примерно так.

Виктор: Просто химическая война какая-то против мокрецов. Интересно. А по каким формальным причинам им будет отказано в эвакуации?

Големба: Ни по каким. Карантин. Официально они просто больные люди. Их нельзя выпускать за пределы города во избежание возможного распространения эпидемии... Как видите, вся демагогия продумана до тонкостей. Вот это меня больше всего и настораживает. Значит, готовятся всерьез.

Виктор: Но это же... А что комиссии, ученые?

Големба: Вот только не надо! Все, что вы можете сейчас сказать, я уже произнес. На совещании. Так орал, что даже голос сорвал. Никакого толку... Такие вопросы решаются не на нашем уровне. К сожалению...

Подходит Диана. С осторожностью несет кофе, тарелку с бутербродами.

Диана: Не помешаю?

Големба: Нет, конечно. Мы так, беседуем о природе.

Диана (Виктору): Кстати, мне нравится, как вы пишете.

Виктор: А что вы читали?

Диана: Последнюю вашу книгу. Ее прислали вместе с вашим досье... Вы всю жизнь ждете, когда настанет будущее, ведь так?

Виктор некоторое время не реагирует, потом медленно кивает.

Диана: А оно все не наступает.

Виктор горьковато усмехается.

Виктор: Пожалуй, можно сказать и так...

Из тумана навстречу катеру выплывает крыша затопленного строения. Возможно, это был дом. Катер медленно тарыхтит мимо. Раздается длинный гудок.

Големба: О, похоже, прибываем. (Виктору.) Советую подняться наверх, на палубу. Это надо видеть.

Виктор выходит, идет вдоль борта, поднимается на верхнюю площадку. Ему виден нос катера, врывающийся в затопленный город, в затопленную улицу. Постепенно улица меняет свою освещенность от темно-серого к морковно-красному цвету.

ПРИЧАЛ В ТАШЛИНСКЕ

Катер стоит у низкого, на скорую руку сшитого из деревянных брусьев причала. Идет разгрузка. Члены комиссии один за другим спускаются с катера на деревянный настил, направляются к военной машине-микроавтобусу.

Откуда-то сверху льется еле заметный темно-желтый – почти красно-коричневый – свет, чуть подсвечивая бликами стекла мертвых зданий и темные, почерневшие от непрестанных дождей стены строений.

Виктор поднимает голову и от удивления останавливается.

В темных дождевых тучах светится желто-красный квадрат, словно аккуратно вырезанный в темных тучах.

Виктор: **Что это?**

Големба: **Спросите что-нибудь полегче... Ладно. Идемте... Еще увидите... Интересно, что он... или оно, не знаю как сказать... не меняет свою форму. Девяносто градусов по углам. Хотя становится то больше, то меньше.**

ЗОНА ПЕРЕХОДА

Машина останавливается у ограждения. Големба и Комов тут же выходят из машины. К ним подходят двое военных в плащ-палатках.

Военный: **У нас проблемы.**

Комов: **Рассказывайте толком. Кто этот человек? Как он оказался в зоне перехода? По радио мы ни черта не поняли... (Голембе.) Нам только этого не хватало...**

Члены комиссии и сопровождающие их военные шагают по деревянному настилу. Кругом в густой дымке видны какие-то смутные очертания то ли барачков, то ли ангаров.

Первый военный: **Самое страшное, что нам до него не добраться. Он уже там, в коридоре. Кто он, что – никто не понимает.**

Второй военный: **Мы нашли на берегу резиновую лодку. Весла, остатки еды... Представляете? Добрался самостоятельно...**

Комов: **Журналист? Мародер?**

Первый военный: **Ничего не известно.**

Комов: **Ладно, разберемся.**

Они подходят к импровизированному пункту наблюдения под деревянным навесом. У стереотрубы – несколько военных. Рядом еще два аппарата для наблюдения. Все стараются заглянуть в них, дабы понять, что происходит впереди, на самой линии перехода.

Первый военный: **Прошу...**

Комов смотрит в окуляры.

В окулярах предстает странная картина, смутно видимая сквозь мглу тумана и дождя. Посреди топкой, теряющейся в дожде дикой равнины стоят в ряд с десятком стульев – словно кто-то приготовился рассаживать зрителей. На одном из них, спиной к наблюдательному пункту, сидит человек. Сидит совершенно неподвижно. Что-то есть в этой картине противоестественное. Слишком уж человек неподвижен под дождем, посреди топи.

Комов: **И давно он так?**

Первый военный: **Утром увидели. Когда его заклинило – бог весть, ночью, наверное, или поздно вечером... Вчера не было.**

Комов: (отрываясь от окуляров): **Ну, стало быть, еще живой...**

Военный: **Ну что? Пойдете?**

Комов: **А что нам остается?**

Военный: **А если и вы застрянете? У вас новый сотрудник, я смотрю. Ни разу не ходил... А если что...**

Комов (раздраженно): **Если, если... Откуда я знаю.**

Комов подходит к Голембе.

Комов: **Ну, что будем делать?**

Големба: **Сейчас прямо и пойдём, пока светло.**

Комов (военным): **Давайте сигнал, мы идем.**

Первый военный (по рации): **Включайте.**

Вспыхивают прожектора.

Големба подходит к Виктору, наскоро инструктирует его.

Големба: **Вот что, Вик... Держитесь спокойно и постарайтесь не думать ни о чем плохом. Мы не знаем их критериев, не знаем, как они решают, кого пустить, кого**

нет... Короче, постарайтесь просто думать о чем-нибудь приятном. Спокойном. Без агрессии.

Виктор: Постараюсь.

Комов первым делает шаг по гати, ведущей прямо к туманному, тонущему в дожде горизонту. Теперь можно понять, что едва видные пятнышки мути вдали – это те самые стулья посреди равнины, освещенные прожекторами. Следом за Комовым, гуськом один за другим, идут остальные – Диана, Големба, Виктор.

Первый военный склоняется к окулярам.

Ему видно, как постепенно, отступаясь в грязи, члены комиссии приближаются к стульям. Он переводит окуляры чуть в сторону, теперь видны фары показавшегося в тумане автобуса, направляющегося к стульям.

Виктор идет последним, чуть скашивает глаза, поглядывая по сторонам.

Комов садится на стул. Следом за ним Виктор. Неподвижный человек сидит от него на расстоянии двух стульев. Лицо сидящего страшно: глаза закатились, видны лишь белки, оскалены зубы. По лицу стекает дождь.

Виктор отводит взгляд.

Из крутящейся дождливой мглы впереди проступает контур подъехавшего автобуса. Это странный квадратный аппарат с антеннами на крыше. Из салона выходит человек в черном облегающем плаще до пят, черных перчатках, сапогах и странной черной повязке, туго охватившей голову и лицо. Глаза и контуры лица чуть угадываются под складками материи.

Это первый мокрец, которого Виктор видит в своей жизни. И он внимательно всматривается в сырую мглу на приближающуюся фигуру.

Мокрец подходит к сидящим, пристально всматриваясь в каждого, но направляется прямо к Виктору, останавливается, смотрит на него. Мокрец наклоняется к Виктору очень близко, лицо к лицу, осматривает его, словно принохивается.

Виктор вздрагивает от этой нелепой бесцеремонности. Он смотрит мокроцу прямо в глаза, чуть различимые за тонкой материей.

Мокрец резко выпрямляется и, повернувшись, идет к автобусу, уже на ходу, не глядя, сделав членам комиссии приглашающий жест рукой.

САЛОН АВТОБУСА. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА

Члены комиссии садятся в автобус, молча рассаживаются. Все мокры и мрачны, обстановка действует угнетающе. В салоне горит свет, и за окнами, по которым струится вода, ничего не видно – сумерки, туман, проливной дождь.

Комов стоит у входа. Перед тем как подняться в автобус, достает рацию и говорит кому-то.

Комов: Служба контроля, слышите меня? Заберите туриста. Мокрец разрешил.

Автобус трогается.

Виктор пытается смотреть в окно. Ему видна тень мокроца, уходящего куда-то к темным домам. Он идет не оглядываясь и тут же растворяется в сумраке. Снаружи плывут какие-то смутные тени – то ли дома, то ли нет... Отчетливо видно ему лишь отражение собственного лица – усталого, с уже проступившей щетиной.

Големба сидит напротив Виктора, рядом с Комовым. Автобус, покачиваясь, будто на волнах, медленно, очень медленно плывет сквозь мглу. За окном по-прежнему темно-красная муть.

Големба: Вы спрашивали про обязанности. Вот что, Виктор, возьмите на себя архив.

Комов: Да, это хорошая мысль.

Комов: Советую там и жить.

Виктор: Где? В архиве?

Комов: В архиве. Там есть жилая комната. Неплохая.

Големба (усмехнувшись): По-крайней мере там сухо.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ

Автобус выезжает на пустую площадь городка, разворачивается возле других машин, стоящих в центре площади. Похоже, здесь импровизированная стоянка. Здесь же стоят несколько машин со странными антеннами на крыше, армейский грузовик.

Пассажиры выходят из автобуса, идут через площадь к арке, соединяющей площадь с гостиницей. Дома вокруг площади нежилые, везде темные окна. По площади время от времени скользит луч прожектора, стоящего на крыше здания.

ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ

Сквозь стеклянные двери гостиницы видны члены комиссии, они входят в вестибюль. У входа — двое вооруженных охранников в камуфляже. Вдоль створок стеклянных дверей — мешки с песком.

Горит свет — но далеко не все лампы. Грязно. Пол вестибюля покрывает грязная стоячая вода. Там, где воды нет, на небольших островках суши все истоптано мокрыми следами. У стеклянной стены рядом со входом был когда-то цветник с миниатюрными деревцами — половина их обломана, цветы высохли. Хотя гостиница, похоже, была достроена недавно, с претензией на евростандарт.

Виктор, оглядываясь по сторонам, следует за Голембой, хлюпая по воде. Вдвоем они идут к стойке «ресепшн». Виктор тянет на плече свою объемистую сумку и на ходу достает документы.

Големба: Это наш новый сотрудник. Он будет жить в архиве.

Портье: В архиве? Так это же старое здание... Зачем? Тут, в новом здании, есть номера, очень хорошие.

Големба: Нет, вы не поняли. Господин Банев будет жить в архиве. В старом здании.

Портье: Нет проблем, шеф. Как скажете... Как скажете...

Похоже, он навеселе.

Виктор протягивает ему паспорт, но портье показывает, что не надо. Портье берет со стойки ключи и протягивает Виктору, рассматривает их и, вдруг засомневавшись, дает ему другие ключи.

Портье: Хотя... Пардон... А-а, берите оба. Там все равно с замками непонятно что происходит.

Големба (Виктору): Пойдемте, я провожу вас.

КОРИДОРЫ ГОСТИНИЦЫ

Виктор и Големба идут по длинному полутемному коридору.

Големба: Вот что я хочу вам сказать, Вик. Между нами... без обид. Ташлинск довольно странное место. Сырость... Страх. Нервное истощение. Бессонные ночи. Не знаю, как объяснить — у каждого свое. Некоторые даже считают, что это влияние места. Я в это не верю — скорее просто нервы. Словом, пьют тут... много. Очень много. Я имею в виду алкоголь. Поэтому я вас очень прошу, контролируйте это желание, если оно возникнет. А оно возникнет.

Виктор (он смущен и за иронией прячет растерянность): Нет вопросов, Аик. Я не пьянчуга и, в общем, способен себя контролировать. Как мне кажется.

Големба (коротко улыбнувшись): Так поначалу все говорили. Ну, ладно... Мой долг предупредить вас, не обижайтесь.

Виктор усмехается.

Големба: Вам сюда. Увидимся.

Големба показывает на дверь и идет дальше по коридору. Виктор вставляет ключ в замок...

КОРИДОР И НОМЕР ВИКТОРА

... но ключ входит с трудом. Не поворачивается. Виктор в сердцах крутит его и так и этак, потом ненароком толкает дверь — та открывается. Виктор входит, роняет на пол сумку. Стоя на пороге, с трудом выдирает ключ из скважины.

Открывается дверь номера напротив, оттуда выходит рослый голенастый человек в прекрасном костюме, с аккуратно повязанным галстуком.

Рослый: **С проездом.**

Виктор (растерянно): **Благодарю вас...**

Рослый: **Проблемы?**

Виктор: **Замок сломан.**

Рослый: **Ну, это пустяки. Мы тоже запираемся на проволочку. Вы из комиссии Голембы, как я понимаю? Новичок?**

Виктор: **Да. А вы?**

Рослый: **Комиссия Академии наук.**

Виктор: **Рад познакомиться.**

Рослый: **Я тоже.**

Рослый многозначительно кивает, улыбается и отступает обратно в свой номер. Дверь закрывается, слышна какая-то мимолетная возня, звук то ли задвинутой щеколды, то ли какого иного доморощенного приспособления, потом все затихает.

Виктор входит в помещение и притворяет за собой дверь. За дверью стоят новые резиновые сапоги и непромокаемые брюки, несколько пар в ряд.

Помещение большое и напоминает, скорее, внутреннюю часть библиотеки. Стеллажи с папками, бумагами, много стопок бумаг и папок уже упакованы, то есть, попросту говоря, перевязаны веревками. В центре помещения стоит ржавая ванна, куда капает с потолка вода. Проход между стеллажами ведет в соседнее помещение. Виктор подходит к окну. Вглядывается. Неожиданно резкий луч прожектора, перемещаясь, разрезает темноту, освещает часть площади, стены домов. Затем так же неожиданно исчезает. За окном все погружается в темноту. Виктор протирает ладонью запотевшее стекло.

Виктор снова проводит ладонью по стеклу, но теперь мы видим его снаружи, словно чей-то взгляд следит за ним из пелены дождевых потоков, двигаясь от окна к окну, вслед за Виктором. Мы видим, как он пересекает помещение архива, идет в соседнюю жилую комнату.

Это маленькая жилая комната. По виду — обычный номер гостиницы. Виктор кладет сумку. Снова подходит к окну. Мгла. По стеклу текут потоки воды.

Виктор прижимается к стеклу, всматривается в темное пространство за окном. Он вглядывается в темноту, но как-то странно, словно смотрит не на площадь внизу, а в чьи-то глаза, стоящие рядом, за стеклом.

Слышно, как звонит телефон.

Виктор отходит от окна, замечает телефон у изголовья постели. Берет трубку.

Виктор: **Слушаю.**

Голос в трубке: **Секретариат напоминает господину Баневу, что заседание комиссии состоится в двадцать часов тридцать минут.**

Виктор: **Спасибо.**

ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ

Не останавливаясь, Виктор торопливо пересекает вестибюль. Портье не видно. Возле наружной двери никого нет. Охранники в глубине вестибюля пьют чай, поглядывая в сторону входа. Появление Виктора у двери не вызывает у них никаких реакций. Виктор подходит к ним.

Виктор: **Хотел спросить, вы не подскажете? Где этот интернат? С детьми-вундеркиндами? Я, в общем-то, город неплохо знаю. Когда-то тут жил...**

Охранники переглядываются между собой.

Первый охранник (хмыкнув): **Туда без приглашения не ходят. В интернат.**

Второй охранник: **Вы что это серьезно? Или шутите?**

Виктор: **Серьезно. Хотел посмотреть.**

Второй охранник: **Даже не пробуйте. Неделю потом будете в ступоре лежать. Энергетический барьер там. Понятно?**

Виктор: **Теперь понятно. Спасибо.**

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ

Виктор выходит на улицу. Красноватая мгла, туман. В десяти шагах ничего уже не видно.

Решительности у Виктора явно поубавилось.

Он медленно идет в сторону мертвой, безлюдной площади, по которой потоками бежит вода. Дом напротив тоже словно вымер, окна мертвы, во многих не хватает стекол – кое-где пробоины прикрыты фанерой, но в большинстве бреши чернеют, как после недавней бомбежки. А стена под аркой вся исписана.

Виктор приглядывается и даже сбивается с шага: это формулы. Вереницы полуразличимых сложных математических вычислений ползут по стене вниз, словно здесь спорили фанатичные, обо всем забывшие ученые, что-то доказывая друг другу прямо на улице. Завершающая формула обведена рамкой.

На площади – ни души. Ветер закручивает потоки мелкого дождя. Виктор идет в темную глубину проспекта.

УЛИЦА ВОЗЛЕ ДОМА ЛЮДМИЛЫ

Виктор идет по улице вдоль фасада дома. Окна дома заколочены досками. Виктор вдруг останавливается. Резко оглядывается. Стоит какое-то время, присматривается, прислушивается, словно ощущает чье-то незримое присутствие, чей-то взгляд, продолжающий следить за ним. Но похоже, все это только почудилось ему. Виктор идет дальше.

Виктор выходит на перекресток. Это место, похоже, знакомо ему. Он останавливается, снова оглядывается. Затем решительно идет за угол, к подъезду.

Останавливается у подъезда. Дверь сорвана и приоткрыта. Внутри полная темнота. Виктор, подумав, шагает внутрь.

ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА ПЕРЕД КВАРТИРОЙ ЛЮДМИЛЫ

Медленно Виктор поднимается на сумеречную, освещенную лишь скудным светом лестничного окна площадку перед дверью. Подходит к двери. Высвечивает зажигалкой номер квартиры. Прислушивается. Ничего не слышно, лишь дождь шумит и плещет снаружи.

Виктор достает пакет с ключами, который дала ему Людмила, выбирает нужный ключ. Сильный порыв ветра вдруг проносится по вымершей сумеречной лестнице, где-то хлопает незакрытая форточка. Скрипит дверь. Виктор оглядывается.

Дверь в квартиру открыта потоком воздуха; оказывается, она не заперта. Виктор входит внутрь.

КВАРТИРА ЛЮДМИЛЫ

У квартиры жуткий вид – мало сказать, что нежилой; кажется, что она пустует вот уже по меньшей мере десяток лет. В углах колышется густая сизая паутина, обои висят мокрыми плесневелыми клоками; все вроде цело, но все расплющено временем и сыростью. Виктор идет в глубину квартиры. Все осталось, ничего не вынесено и не вывезено – просто люди ушли, и вещи остались доживать свой век сами по себе. Фотографии на стенах. Книги на полках. Посуда и одежда в шкафах.

В маленькой, самой удаленной от прихожей, комнатенке дочери – простенький набор мебели для школьников, тетрадки, на стене над столом – расписание уроков... Выбитые стекла, лужи на полу. Он подходит к окну. Ему виден перекресток у дома, где он только что стоял.

Виктор возвращается в гостиную, достает заранее заготовленную записку и прикрепляет ее на видном месте над столом. Записка свернута, сложена, но сверху читается крупное: «Ира».

Неожиданно лампы в комнате начинают чуть-чуть мигать, чуть накаляются, словно от очень слабого электрического импульса.

Лампы гаснут, но тут же снова вспыхивают. Виктор какое-то время стоит и смотрит на них...

...затем идет обратно. Когда он выходит в коридор, из-за его спины, из комнаты, в которой только что никого не было, вдруг звучит голос.

Ира: Здравствуй, папа.

Виктор, вздрогнув, оглядывается.

У самого окна, спиной к нему и боком к письменному столику стоит тоненькая девочка лет двенадцати. У нее огромные, серьезные, взрослые глаза. Она делает шаг, приближаясь к столу. Когда она оказывается близко к настольной лампе, та ярко вспыхивает. Затем, по мере удаления Иры, постепенно гаснет, остается лишь тлеющий огонек.

Виктор: Как ты оказалась тут? Ты пряталась?

*Ира: Я не оказалась. Просто заглянула. Почувствовала – тут есть кто-то...
Зачем ты приехал?*

Виктор: За тобой.

Ира усмежается, чуть махнув рукой.

Ира: Странный ты какой... Ну, ладно, у нас еще будет время поговорить. А сейчас иди, мне нужно возвращаться. (Строго повторяет.) Иди. Что ты стоишь. Иди. Ты ведь слышишь мой голос? Я говорю: иди.

Виктор выходит в коридор. Стоит какое-то время. Проводит рукой по лицу, трет лоб.

Виктор: Что такое...

Затем решительно он возвращается обратно в комнату.

В комнате никого нет.

ВАР В ГОСТИНИЦЕ. ОЧЕНЬ ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Големба и Банев сидят за столиком в баре. Народу полно. Все время кто-то проходит мимо, здороваясь, разговаривая. Слышна речь на разных языках. Голембе все время приходится кивать, здороваться с кем-то.

Виктор: Тут всегда так многолюдно?

Големба: Нет. Только перед заседанием комиссии. Почему-то все комиссии назначают совещания в одно и то же время.

Виктор: А много комиссий?

Големба: Осталось четыре. А раньше было тринадцать. Представляете?

Он смеется.

К соседнему столику подходят и привычно рассаживаются два человека: один – уже знакомый Виктору Рослый, из номера напротив, другой – щуплый молодой человек в мощных очках, с большим портфелем.

Виктор: А кто этот высокий за соседним столиком?

Големба: А что?

Виктор: Ничего. Живет в соседнем номере. Он мне советовал запирается на проволочку.

Големба: О, это большой специалист по безопасности...

Виктор: Представился ученым. Из Академии наук.

Големба: Ну да. Ученый. Сразу видно. С хорошей выправкой.

Виктор: И что? Тут много таких?

Големба: Достаточно. Почти в каждой комиссии. Особенно в начале понаехали. Конгресс ведущих спецслужб мира можно было устраивать. Seriously. У нас в комиссии, кстати, был человек из Моссада. Пропал куда-то. Говорят, убили его.

К столику подходит Павел Сумак. Он в мокром плаще, похоже, что только что с улицы.

Павел: Не опоздал? Добрый вечер. Извините. Я весь в грязи. За городом топи непролазные. Машина застряла. Айк, у меня к вам просьба. Хочу успеть принять душ. Если начнут без меня, пожалуйста, запишите меня на выступление.

Големба: Хорошо. Запишем.

Павел (Виктору): **А вы, наверное, Банев?**

Виктор: **Да. Меня зовут Виктор.**

Павел: **Очень приятно. Я Павел. Увидимся.**

Он отходит от столика и уже на ходу, вдруг заметив кого-то, говорит по-английски.

Павел (англ.): **Герберт, после заседания зайдите сюда, пожалуйста. Мне нужно поговорить с вами.**

Виктор (Голембе): **Ух, сколько энергии. Что, тоже из этих, с выправкой?**

Големба: **Не уверен. Тут что-то другое. А что – понять не могу. По документам – санитарный инспектор.**

Виктор: **Всего-то?**

Големба: **В том-то и дело. А между тем имеет свой офис тут, двух помощников. Всем взятки дает. Кто-то очень богатый и очень сильный стоит за ним. Вот только кто? Вопрос...**

Подходит официант. Ставит чашку кофе перед Баневым.

Официант: **Ваш кофе. Что-нибудь еще?**

Виктор: **Нет, спасибо.**

Официант уходит.

Големба: **Примите мою благодарность.**

Виктор: **За что?**

Големба: **За то, что пока держитесь и не пьете.**

Тут только Виктор обращает внимание, что перед Голембой стоит большой, наполовину пустой бокал с коричневой жидкостью – то ли бренди, то ли настоящий коньяк. Виктор смотрит на бокал Голембы. Тот понимает это по-своему.

Големба: **Кстати, если надумаете выпить, не берите тут в гостинице. Берите снаружи, там есть летний ресторан. Местная достопримечательность. «Метрополь» времен мирового потопа.**

Виктор: **То есть?**

Големба: **Столики в воде, и все такое. Называется «Ноев ковчег». Очень романтическое место. А главное – выпивка отменная.**

Виктор: **Вы это серьезно? В воде? Сидят в воде?**

Големба: **Не верите? Пойдемте.**

Големба встает.

Големба: **Пойдемте. Надо же вам изучать туземную жизнь.**

ЛЕТНИЙ РЕСТОРАН. ОЧЕНЬ ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Големба и Банев идут в арке, связывающей бар и ресторан, и сразу же выходят к мигающей точке света. Это светильник – вычурный, нелепый, продолжающий вспыхивать под стеклянным полуразбитым потолком летнего ресторана. Сам ресторан сильно затоплен, вода доходит до колен, и резкий ветер гонит волну среди столов и стульев, оставшихся стоять в своем традиционном расположении. На одном из столов Виктор с удивлением замечает следы недавнего застолья.

Големба: **Ну как?**

Виктор: **А что, мне здесь нравится. (Хмыкнув.) Ей-богу, нравится.**

Големба: **Мне тоже, если честно...**

Они оглядывают ресторан и уже собираются уйти, когда слышат характерный звон бокалов. Они замечают... в глубине полутемную стойку бара, за ней дверь в служебное помещение – оттуда узкой полоской идет свет. Из двери появляется седой человек с бутылкой, бокалом и тарелкой – КВАДРИГИН. Он останавливается, пьяно качнувшись. Замечает гостей.

Големба вдруг резко отворачивается, словно прячется от кого-то.

Големба: **Не смотрите туда, Виктор. Потом объясню. Идемте.**

Но все ухищрения Голембы не дают результата. К ним уже подходит Квадригин.

Квадригин: **О! Хау ду ю ду, мистер Големба!**

Големба: **Ду ю ду, мистер Квадригин.**

Квадригин: **А я, собственно, не к вам. Я вот к нему... Я не помню... Я вам представлялся или нет?**

Квадригин поворачивается к Виктору.

Квадригин: Честь имею представиться: Рой Квадригин, живописец, доктор гонорис кауза, философ, почетный член... И параллельно владелец этого ресторана. Прошу. Хотите столик?

Големба: Нет, спасибо.

Квадригин: Как знаете. Кухня отменная. Выпивка...

Он делает широкий жест в сторону стола, ставит бутылку, бокал и садится сам. Перекатывающиеся волны, похоже, его не смущают.

Квадригин: А кстати, если хотите портрет... На фоне волн, в стиле гламур... Очень недорого.

Големба: Спасибо. В другой раз, господин Квадригин.

Квадригин: Да? Ну что ж, буду рад. Заходите.

Виктор (тихо): Забавно...

Големба: Смешной человек... Говорят, был хороший художник. Спился...

Виктор и Големба уходят из ресторана.

ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ

Один из холлов первого этажа, несмотря на скромные возможности гостиницы, оборудован под импровизированный зал заседаний, со всей обстоятельностью, присущей западным конгрессам. По краю холла – синхронные переводчики. Заседающие – в центре, у большого стола. Всего в комиссии человек десять – разного возраста и национальностей. Виктор сидит недалеко от входа. Он видит, как Диана подходит к Голембе, что-то шепчет ему на ухо, затем выходит из зала заседаний.

Первый член комиссии: И еще. Хочу обратить ваше внимание вот на что. Помимо столь интересной нашим уважаемым биологам странной генетической болезни начинают всерьез расцветать болезни обычные, вполне инфекционные, и остановить их, это уже ясно, не удастся... Поэтому, как ни жаль, я склонен рекомендовать Совету Безопасности ООН предпринять все возможные шаги для того, чтобы климатические аномалии Ташлинска были бы по возможности нормализованы.

Комов: Каким способом?

Первый член комиссии: Любым способом.

Второй член комиссии (нем.): В том числе и химическим воздействием? Так что ли? (Переводчице.) Переведите, переведите!

Первый член комиссии: Да, да и еще раз да.

Второй член комиссии (нем.): Позвольте мне...

Комов: Прошу вас.

Второй член комиссии (нем.): Я не понимаю, кого мы тут обманываем? Всем давно понятно, в чем проблема. Мостовые и стены в городе исписаны формулами, сильно опережающими современную науку. И потому политики озабочены только одним, чтобы наложить на эти знания свою лапу. И всю эту сомнительную политическую игру хотят сделать нашими руками – дескать, ученые рекомендуют... Между тем мы до сих пор не понимаем сущность явления, называемого мокрецами, и их воздействия на детей. Как можно вмешиваться в процесс? И так, я против климатической нормализации, тем более любой ценой. И что значит любой ценой? Цена может оказаться слишком высокой.

Павел встает со своего места.

Павел: Позвольте мне.

Комов: Пожалуйста.

Павел: Вы прекрасно понимаете, что происходит, но предпочитаете почему-то закрывать на это глаза! Давайте называть вещи своими именами. Это – нашествие! Только идет на нас не марсианин и не антихрист какой-нибудь, а кое-что вполне реальное. Поэтому я еще раз прошу проголосовать вопрос о разрешении лабораторных исследований так называемых мокрецов и их воспитанников! Да, да! Их в том числе. Я должен знать, кто на нас идет, и в соплях ваших путаться не намерен!

Комов: Господин Сумак, опомнитесь... При чем здесь воспитанники? Это же дети...

Павел: Опять! Они не дети. Они вообще не люди уже! Что ж вы за безмозглые гуманисты! Жалеете их... Ну еще бы – они такие умненькие, такие юные цветочки! А это враг! Понимаете? Враг, который обещает полное и неременное уничтожение

нашего мира и, значит, всех нас! Надвигается такая диктатура, какая вам и не снилась. Вы думаете, если ребенок цитирует Канта или Гегеля, то он – ого-го. Эссе Хомо. А такой ребенок смотрит на вас и видит кучу дерьма, и ему вас не жалко. Потому что вы и по Канту дерьмо, и по Гегелю дерьмо. Дерьмо по определению. Потому что человеческая душа – любая! – для них просто помойка! Отхожее место человеческой физиологии! Они другие. Тотально другие! И в их мире для нас нет места. Либо они, либо мы. Это война. Тут компромисс невозможен в принципе. Короче, я требую проголосовать пункт о лабораторных исследованиях мокрецов. Немедленно!

Павел садится. Все заседающие начинают говорить одновременно, слышны возмущенные высказывания. Комов старается навести порядок.

Комов: Господа, господа, успокойтесь! Давайте по порядку. Что мы голосуем?

Третий член комиссии (экзальтированная дама) огибает стол заседания и с криком подбегает к председательствующему.

Третий член комиссии (с сильным акцентом): Я требую, чтобы этот человек был арестован! Это провокация! Мы не будем голосовать этот пункт.

Павел: Нет, будем! Пока они еще тут, пока это возможно!

Комов: Что значит – пока? Вы на что намекаете?

Павел: На то, что никого отсюда живым не выпустят! Я имею в виду мутантов, мокрецов. И вы это прекрасно знаете, господин Комов!

Члены комиссии замолкают.

Павел: Если мы не проведем исследования сейчас, то навсегда лишимся этой возможности. А этим мозгам цены нет! Вот что я хочу сказать... А вы? Что вы обсуждаете? Время идет. Авиация уже перебрасывается на ближайшие аэродромы. Это что – просто так? С минуты на минуту все начнется! А вы дискуссии разводите. Короче, мне нужен мандат на исследование этих тварей. Официальное разрешение.

Третий член комиссии (срываясь в крике): Я требую поставить вопрос об исключении господина Сумака из комиссии!

Павел: Меня? На каком основании? Я высказываю свое мнение.

Третий член комиссии: Вас! Вас! Я требую, чтобы мы проголосовали этот вопрос!

Големба: Пожалуйста, тише! Не все сразу! Пожалуйста.

Из коридора в холл тем временем на цыпочках входит один из охранников, подходит к Виктору. Останавливается за его плечом.

Охранник: Простите, господин... э-э... Вы Банев?

Виктор: Да.

Охранник: Вас там спрашивают.

Виктор: Кто?

Охранник: Да как вам сказать... Мальчик.

Виктор (ошарашено): Какой мальчик?

Охранник выразительно пожимает плечами.

Виктор встает и идет за охранником.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ. НОЧЬ

Виктор выходит наружу. Под нависшим над входом козырьком не льет, но сырость адская, промозгло, в воздухе стоит водяная взвесь. С навеса сплошным водопадом шумно рушится вода. За этим мерцающим водопадом – бездонная тьма, нашпигованная летучими проблесками миллионов падающих с неба капель.

И стоящий мальчик лет двенадцати. Он стоит именно по ту сторону водопада, вплотную к нему, под дождем.

Мальчик: Господин Банев?

Виктор: Да.

Мальчик: Я Куница. То есть вообще-то по свидетельству о рождении я Боря, но вы пока можете звать меня Куницей. Хорошо?

Виктор (медленно): Боря по кличке Куница... Хорошо.

Куница: Это не кличка, это точка отталкивания.

Виктор: Не понял.

Куница: Ну, это долго объяснять. Я тут по-другому поводу. Мы хотели бы встретиться с вами. Как с писателем.

Виктор: Кто – мы?

Куница: Дети... Ученики... Ученики той школы, где учится ваша дочь.

Виктор: Ты знаешь мою дочь?

Куница: Мы друзья. Вы согласны?

Виктор: Я? Конечно. Когда будет встреча? Где?

Куница: Завтра в девять утра я буду вас ждать на этом самом месте.

Куница поворачивается и уходит во тьму.

Виктор провожает его взглядом, пока тот не исчезает окончательно в темноте и тумане.

БАР ГОСТИНИЦЫ. НОЧЬ

Виктор заходит в бар, оглядывает помещение, затем идет к столику, за которым сидят Големба и Диана.

Виктор: А-а, вот вы где!

Големба: У нас перерыв. Диана взяла вам кофе. Пейте.

Виктор присаживается.

Виктор: Спасибо.

Големба: Ну, что там? Кто к вам приходил?

Виктор: Уже знаете?

Големба: Заметили.

Виктор: Юные поклонники моего дарования пригласили меня на встречу. Завтра с утра.

Големба: До чего же тщеславный народ эти писатели! Не обольщайтесь, Виктор. Это не поклонники, это вивисекторы.

Виктор: Будут вживлять мне электроды в мозг и гонять по лабиринту?

Големба: Это хороший образ. По лабиринту...

Диана (Виктору): А кто приходил?

Виктор: Странный такой мальчик. Зовут Куница... И так говорил...

Диана: Как? Какими словами вы бы это описали?

Виктор: Будто в лицо мне расхохоталась кошка.

Диана: Забавно...

(Пауза.)

Големба: Да... Быстро они вас почувствовали...

Виктор: Мне как-то готовиться?

Големба: Выспитесь как следует. А лучше... послушайте радиостанцию. Вам перед встречей будет полезно. Даже необходимо.

Виктор: Какую станцию?

Диана: У вас есть приемник в комнате? Должен быть. Почти уверена, он уже стоит на нужной волне. Все, кто приезжают сюда, обычно слушают ...

Виктор: Подождите. Объясните толком, что слушают?

Диана: Ну, в интернате у детей есть радиостанция. Не очень мощная, но все-таки. Вещание круглосуточное. Для падшего человечества – вроде нас с вами... Советую воспользоваться.

Виктор: Вы это серьезно?

Диана: Вполне.

Виктор: Чудны дела твои, Господи...

НОМЕР ВИКТОРА В ГОСТИНИЦЕ. НОЧЬ

Виктор стоит в глубокой полутьме у окна. Гремит дождь, стекла стонут от ветра.

Виктор ложится на кровать, лежит какое-то время в полутьме. Затем протягивает руку, на ощупь находит приемник, включает его. Из приемника начинает звучать детский голос, затем другой. Похоже, что это некий диалог в радиостудии*.

Голос девочки: ..Я бы сказала так... Сумерки бытия сгущаются пепельными тенями на краях строго выстроенной предметности, безвидные и безымянные призраки

приближаются вплотную и незримо проходят сквозь нас. Вот здесь, в точке наивысшей неопределенности, не гарантированности и неподтвержденности человеческого существования, впервые обретается известная ясность, просветляется мировая ночь. Реальный до ужаса смысл нашего бытия не в мире, а где-то между мирами, не в очерченном бытии, а в смещении и становлении, не в обустройстве домашнего, а в беспочвенном странничестве.

Голос мальчика: Если я правильно тебя понял, речь вовсе не идет о том, что наконец довелось добраться до истины, удалось лишь вывернуть наизнанку покров майи и взглянуть на вещи с обратной его стороны – не с той стороны, которой он убаюкивает и вселяет успокоение, а со стороны Ничто, обнаруживающей и собственное наше жизненное присутствие как.. выдвинутость в Ничто.

Голос девочки: Ну да, можно сказать и так. Согласна.

Виктор вначале слушает спокойно, покуривая сигарету, чуть улыбаясь столь очевидному парадоксу – философскому тексту и детскому голосу, произносящему его. Но затем он садится и начинает уже слушать внимательно и серьезно. В темноте только вспыхивает огонек сигареты, освещая его лицо.

ШКОЛА. УТРО

Класс уже полон детьми лет десяти-двенадцати. Дети рассаживаются за парты. Ира садится в первом ряду.

Виктор молча ходит взад-вперед перед столом, затем поворачивается к классу, оглядывает сидящих детей.

Они ждут спокойно и взросло. Сразу становится тихо.

Виктор: Ну, хорошо. Должен признаться, что я не любитель встречаться с читателями. Как правило, совершенно невозможно понять, что им от тебя надо и что их интересует. Поэтому каждое свое выступление я стараюсь превратить в вечер вопросов и ответов. Попробуем? Начну я. Все ли читали мои произведения?

Куница: Да. Читали.

Виктор: Прекрасно. Польщен, хотя и удивлен. Всю жизнь мне говорят, что мои вещи не всякому взрослому под силу... Тем более прекрасно. Желает ли почтенная публика, чтобы я рассказал историю создания какого-нибудь произведения?

Короткое молчание. Потом где-то в середине класса поднимается худой прыщавый мальчик.

Мальчик (коротко и веско): Нет.

Садится.

Виктор: Что ж. Мне же легче. Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда – стреляли бы поэтов без разбора, с бедра, навскидку, ныне и всегда...

Никто не улыбается в ответ. Дети смотрят пристально и выжидательно. Может быть, высказанная Виктором мысль кажется им вполне приемлемой.

Виктор: Хм-м.. Ваш выстрел, господа.

После секундной заминки на последнем ряду встает девочка лет двенадцати.

Девочка: Какими бы вы хотели видеть нас в будущем?

На лице Виктора все же проступает растерянность.

Виктор: Ну... Это просто... Умными. Честными. Добрыми... Хотел бы, чтобы вы любили свою работу и работали только на благо людей...

Сидящий почти перед Виктором Куница перебивает.

Куница: Что такое – умный?

Виктор: Ну-у, милые мои. А что такое человек, вы не хотите спросить? Или что такое время?

Куница: Мы знаем, что этот вопрос не имеет ответа. Мы хотим знать, как вы на него ответите.

Виктор: Пожалуйста. Например: умный человек – этот тот, кто сознает несовершенство, незаконченность своих знаний, стремится их пополнять и в этом преуспевает. Вы со мной согласны?

Со стола у дальнего окна поднимается белобрысый малыш лет десяти.

Мальш (тоненьким голоском): Нет.

Виктор: Почему?

Мальш: Ваше определение не функционально. Любой дурак, пользуясь этим определением, может полагать себя умным. А уж преуспевающий дурак – и подавно будет считаться умнее всех.

Садится.

Виктор (впервые начиная говорить с детьми, как с равными): Видите ли... Вообще есть старый афоризм: дурак – это просто инакомыслящий... Или инакочувствующий.

Шутки не получилось. Ни единой улыбки не проступило в ответ. Снова поднимается Девочка.

Девочка: Я не совсем понимаю... Вы хотите, чтобы мы были умными, то есть мыслили и чувствовали, как вы. Но я прочла все ваши книги и не нашла в них ничего, кроме отрицания. Никакого позитива. То есть получается, что любой, кто умен – хотя бы как вы, – не может испытывать к людям ничего, кроме отвращения. С другой стороны, вы хотите, чтоб мы работали на благо людей. То есть тех самых отвратительных типов, которыми наполнены ваши книги и которых вы сами отрицаете каждой строкой. Может ли умный человек работать на благо того, что вызывает отвращение?

Садится.

Виктор (после паузы): Видите ли... Под работой на благо людей я как раз и понимаю их превращение из вызывающих отвращение в вызывающих уважение. И это мое пожелание не имеет никакого отношения к моему творчеству. Общество изменяют не литературой, а реформами или пулеметами, а сейчас еще, кажется, и наукой...

Поднимается худой мальчик в рубашке, застегнутой до самой шеи.

Мальчик: Простите, но все это довольно тривиально. Дело ведь не в том, что чем изменяют. Дело в том, что изображенные вами объекты сами вовсе не хотят, чтобы их изменяли. Превращали, как вы говорите, из вызывающих отвращение в вызывающих уважение. И потом – они так запущены, так безнадежны... Пусть уж себе догнивают – они ведь не играют никакой роли.

Виктор: Господи! Вы всерьез полагаете, что я пишу о подонках?

Он проходит взад-вперед вдоль классной доски, собираясь с мыслями. Останавливается.

Виктор: Простите. Я все невпопад... Меня обмануло, что вы говорите, как взрослые. А вы все-таки дети... Вы и представить себе по малолетству своему пока не можете, как это небритый, истеричный, вечно пьяный пожилой мужчина может быть замечательным человеком, которого нельзя не любить, перед которым преклоняешься, которому полагаешь за честь руку пожать, потому что он прошел через такой ад, что и подумать страшно, и все-таки остался человеком...

Куница: Простите, я перебью... Господин Банев, вы нашли сейчас очень хороший символ. Человечество – это истеричный и пьяный старик, который прошел через ад. Заметьте, через ад, потому что ничего другого он, к сожалению, не достоин, и вы это прекрасно знаете, но продолжаете настаивать, что человек – это звучит гордо. Что ему чего-то там недодали, в смысле благ и счастья... В том виде, как он его понимает, то есть как возможность топтать, унижать и использовать других... Суммирую. Вы просто никак не можете поверить, что вы уже мертвецы, что вы сами создали мир, который стал вам надгробным памятником, и ничем более.

Куница садится. Наступает молчание. Затем он вдруг снова встает.

Куница: Когда я говорю «вы», я не имею в виду персонально вас, господин Банев. Надеюсь, вы понимаете.

Виктор: Благодарю вас. Я это понимаю. (Подумав.) Вот что я отвечу вам. Разрушить старый мир и на его костях построить новый – это очень старая идея. И ни разу она не приводила к желаемым результатам. Вы, наверное, сами этого не понимаете, но вы жестоки. Вы жестоки из самых лучших побуждений, но жестокость – это всегда жестокость. И ничего она не может принести, кроме нового горя, новых подлостей и нового вранья.

Вдруг весь класс встает. Виктор умолкает.

В открывшуюся дверь входит невысокий, хрупкий человек в черном одеянии. В знак извинения он чуть кланяется Виктору, приложив обе руки к груди.

Человек в черном: Простите меня за опоздание, господин Банев. Я очень хотел познакомиться с вами. Можете звать меня Зиновий. Продолжайте, пожалуйста...

Он садится на свободное место рядом с Ирой. Та буквально расцветает.

Виктор: Итак, на чем мы остановились?

ЛЕСТНИЦА И КОРИДОР В ШКОЛЕ. ДЕНЬ

Дети выходят из класса, прощаются с Виктором.

Дети: До свидания, господин Банев... До свидания... До свидания...

Виктор: До свидания...

Ира стоит рядом с Зиновием в стороне. Они о чем-то говорят. Заметив, что Виктор уже вышел, Ира, попрощавшись с Зиновием, подходит к нему.

Ира: Пойдем.

Виктор и Ира спускаются по лестнице к выходу из гимназии.

Ира: К сожалению, я не смогу тебя проводить... Боря тебя проводит в гостиницу.

Виктор (растерянно): Почему – Боря? Подожди. Я вообще-то хотел поговорить с тобой. Это совершенно необходимо...

Ира: Да? Тогда тебе придется меня подождать.

Виктор: Хорошо. Подожду.

Они входят в коридор второго этажа. Ира открывает застекленную дверь, за которой видно что-то похожее на миниатюрную студию звукозаписи. У двери стоит несколько стульев.

Ира: Присядь здесь. У меня запись. Но это недолго.

Уходит.

Виктор видит, как Ира начинает разговор с несколькими детьми внутри. Виктор делает знак одному из мальчиков – можно внутрь? Тот отрицательно качает головой, потом прикладывает палец к губам. Включается табло «Идет запись». Дети садятся за стол, на котором расположены микрофоны, начинают беседовать. Виктор какое-то время смотрит на детей, прислушиваясь к их дискуссии, чуть слышно доносящейся из наружного динамика.

Первый детский голос: ...Но даже коренного интеллектуального сдвига к новой парадигме в широком масштабе будет недостаточно, чтобы смягчить глобальный кризис и повернуть вспять то разрушительное движение, в котором мы участвуем. Мир требует глубокого чувственного и духовного преобразования. Попытки изменить человечество должны будут начинаться с предохранительных психологических мер, предпринимаемых в раннем возрасте.

Другой детский голос: С этим я абсолютно согласна. Я тоже вижу человечество, стоящим на решающем перепутье, перед выбором: либо полная интеллектуальная деградация, либо беспримерный по своим размерам эволюционный скачок в сознании. Терренс Маккена выразил это, мне кажется, очень точно: «История глупой обезьяны, так или иначе, закончена».

Виктор выходит в коридор. Коридор интерната пуст. Виктор с интересом оглядывает его. Собственно, ничего особенного тут нет. Как и в любом учебном заведении на стенах много портретов выдающихся умов человечества. Шкафы с книгами, какие-то странные картины, словно ожившая музыка. Виктор доходит до конца коридора, заглядывает сквозь стеклянные двери в классы.

КЛАСС ИНТЕРНАТА

В одном из классов идут занятия то ли физкультуры, то ли восточной пластики – так, по крайней мере на первый взгляд, кажется Виктору. Ведут занятия трое мокрецов, мужчин или женщин – понять невозможно. Дети – а их человек шесть – одеты в черные облегающие костюмы.

Мокрецы медленно показывают очень плавные, вычурные движения. Дети повторяют их очень точно, очень внимательно.

Увидев все это, Виктор уже собирается уходить, не ожидая ничего особо интересного от этого урока. Как вдруг один из мокрецов резко хлопает в ладоши, и тут перед изумленным Баневым происходит следующее...

...дети медленно приподнимаются над полом и висят в воздухе. Затем очень медленно опускаются на землю.

УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. ДЕНЬ

Виктор и Ира шагают по улице. Две фигуры – большая, запакованная в темное, и маленькая, открытая дождю и ветру. Некоторое время молчат.

Ира: Так о чем ты хотел говорить? Ты сказал, что разговор очень серьезный и его нельзя откладывать. Я правильно тебя поняла?

Виктор: Правильно.

Ира: Ну, так я слушаю тебя.

Виктор: Во-первых... Во-первых, Ира, я хочу... так как я твой отец, я хочу, чтобы ты переехала ко мне в гостиницу. Немедленно. Если надо поговорить с руководством интерната, я все сделаю.

Ира: В гостиницу? Эту пьяную помойку? Зачем?

Виктор: Зачем – это долго объяснять. Но оттуда легче будет уехать. Мы сразу же уедем, под любым предлогом. Я – как член комиссии, ты – как моя дочь. Все. Для всех остальных ты будешь никакой не вундеркинд, просто моя дочь. И только. Поняла? Для этого я приехал сюда.

Ира: Для чего – для этого?

Виктор: Для того, чтобы увести тебя отсюда. Не понятно?

Ира: Понятно. А куда?

Виктор: Какая разница? Хоть куда! Ты что, не понимаешь, что тут происходит? Военные кругом... Тут... скоро начнется такое... Химическая война. Это как минимум. Ты даже представить себе не можешь, что тут начнется!

Ира: Война... А там что, военных нет?

Виктор: Не цепляйся к словам! Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду... У меня хорошие связи. Я многое могу. В мире, знаешь ли, много хороших школ!

Ира: Нет.

Виктор: Что – нет?

Ира: Все – нет. И про то, что ты много можешь. И про школы. И про отъезд.

Пауза. Идут молча.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ

Виктор (с напором, почти с угрозой): Так, вот что, Ира... Пусть я плохой отец, пусть... что угодно, но ты поедешь со мной! У меня есть на это право – забрать тебя.

Ира: Нет у тебя никакого права.

Ира смотрит ему прямо в лицо. Ее глаза становятся огромными и слепящими, не светом, а какой-то бездонной, засасывающей глубиной.

От этого взгляда Виктор цепенеет. Ира небрежно снимает его руки со своих плеч, и они бессильно обвисают, как плети.

Ира: Мы уже пришли. Вот гостиница. Иди туда. Пожалуйста.

Виктор, словно под гипнозом, поворачивается и медленно, как неживой, идет к входу в гостиницу.

ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ

Только в вестибюле Виктор приходит в себя, наваждение спадает. Он проводит ладонью по лицу, словно просыпаясь, но продолжает стоять в нелепой позе. Все его движения замедленны.

Виктор (про себя): Что за черт...

Охранники с интересом смотрят на него, подходят.

Первый охранник: Здорово она вас. Мы все видели.

Второй охранник: Вы сядьте, сядьте. Не надо стоять...

Виктор: Я... Я...

Первый охранник усаживает Виктора на диван.

Первый охранник: Ну-ну... Все хорошо...

Второй охранник дает Виктору флягу.

Второй охранник: **Вот, выпейте. Водка – лучшее средство. Проверено.**

Виктор делает глоток. Похоже, ему сразу становится лучше. Он встает.

Виктор: **Спасибо. Все хорошо. Все нормально.**

Он встает, идет к выходу из гостиницы.

Первый охранник: **Да посидите вы.. Не надо вставать..**

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ

Виктор выходит на площадь, оглядывает ее. Темные окна. Моросит дождь. Никого нет.

НОМЕР ВИКТОРА В ГОСТИНИЦЕ. ВЕЧЕР

Виктор входит в помещение архива, закрывает за собой дверь. Прямо в мокром плаще проходит к столу. Достает из кармана плаща бутылку.. наливает в стакан, выпивает. Закуривает. Стук в дверь.

Виктор подходит к двери. Прислушивается.

Павел (из-за двери): **Откройте, Виктор, это я, Павел.**

Виктор открывает дверь.

Виктор: **Заходите, не заперто... Закрытой двери – грош цена, замку цена копейка...**

Павел входит. Он выглядит не лучшим образом – глаза слезятся, голос носовой; простуда в самом соку.

Павел (заметив бутылку): **Смотрю, вы уже начали?**

Виктор: **Начал. Хотите?**

Павел: **Ох, не знаю, чего я хочу... (Чихает.) Меня этот город доконает.**

Виктор: **Будьте здоровы... Садитесь. Чего стоять.**

Павел: **Спасибо... Налейте, что ли.**

Виктор берет с тумбочки второй стакан и наливает Павлу. Потом, поколебавшись чуток, и себе. Пьют. Павел отставляет стакан.

Павел: **Ну, как прошел первый контакт?**

Виктор: **Какой первый контакт?**

Павел: **Бросьте, Виктор. Не хитрите. Я же знаю, детишки вас вызывали на ковер, ведь так?**

Виктор: **Ну так.**

Павел: **Событие.**

Виктор: **А в чем тут событие?**

Павел: **А в том, что все мы так или иначе через это прошли. Но... как говорила одна моя знакомая, у всех бывает, но не у всех проходит. Событие в том, что этот малолетний синедрион вынес вам вердикт: помиловать. А практически всем нам вердикт был – казнить. Сенсация...**

Виктор: **Вердикт? Какой вердикт?**

Павел: **Ну, это местный жаргон. Считается, что детки определяют в отношении каждого взрослого – достоин он светлого будущего или нет.**

Павел чихает, яростно трясая головой.

Виктор: **Вы бы хоть платочком прикрывались...**

Павел: **Пардон... учту... так вот, говорю, чего тут понимать? Мокрец главный, Зиновий, нынче благодарил Голембу за отличную идею – включить в комиссию известного писателя...**

Виктор (задумчиво): **М-да? По-моему, они меня, наоборот... э-э... не одобрили. И, кстати сказать, я этих вундеркиндов тоже никоим образом...**

Павел: **Да при чем тут они? Тут дело не в вундеркиндах. А вот учителя у них...**

Виктор: **Что – учителя?**

Павел молча смотрит Виктору в глаза и, многозначительно воздев палец, повторяет.

Павел: Особые учителя – в этом все дело... Мокрецы.

Виктор: Да что за мокрецы? Никто объяснить толком не может... Тоже мне, комиссия... Мокрецы, мокрецы...

Павел: Ну почему – никто? Я, например, могу.

Виктор: Вот и объясните. А то все намеками изъясняются.

Павел: Рассказываю... Считается, что это генетическая болезнь. Как дождь с февраля зарядил, так через пару недель и началось... Кожа желтеет, становится твердой как камень, волосы выпадают... Страшные! Потому и лица прячут. Город-то и опустел сразу, решили, что эпидемия. Ну, потом фокусы начались. Чудеса всякие. Потом комиссии – ну, это вы знаете. Говорят, это не заразно, просто у них какой-то ген лишний, или наоборот, не хватает. А между тем ни одного нормального ребенка в интернате не осталось. В интернате все и началось. Вот вам и не заразно... (Добавляет тише.) А может, они уже и не дети вовсе...

Виктор: А кто?

Павел: Миражи. Оболочки... Ну где вы видели таких детей? С такими фокусами? Слушали радио их? Вижу, что слушали.

Павел кивает в сторону приемника.

Виктор: Немного.

Павел: А много вы и не выдержите. Никто не выдержит. Это же уму непостижимо, что они несут.

Павел морщится, задирает голову, жмурясь – готовится громогласно, из глубины души чихнуть. Он торопливо шарит в карманах, вытаскивает платок и едва успевает поднести к лицу – отчаянно чихает. Одновременно что-то тяжело, гулко ударяется об пол, выпав из кармана вслед за платком – тяжелый профессиональный кастет.

У Виктора поднимаются брови.

Виктор: У вас упало.

Павел, прикрывая лицо платком – видны лишь его глаза – нагибается и сует кастет обратно в карман. Чуть растерянно, моргая, смотрит на Виктора.

Павел (гнусаво): Все друг другу рассказывают всякие ужасы... Теперь вот ношу с собой на всякий случай. Я же в каких только трупобах не бываю...

Прячет платок.

Виктор: Вы давно здесь?

Павел: Давно. (Встает.) Пойду я... Что же я хотел вам сказать? Ах, вот что. Да. Вы знаете... Вы все-таки определяйтесь... Вы с кем? С ними? Или с нами? С кем вы, мастер культуры?

Виктор: Это важно?

Павел: Угу... Потому что, если с ними, то вы меня простите за такой пафос, получается, что вы как бы... предатель человечества.

Виктор (смеется): Ни больше, ни меньше.

Павел: Да (Смеется.) Представьте себе... А человечество – оно предателей не любит.

Виктор: Понимаю.

Павел: Угу. Вы ведь единственный, кого они к себе подпустили так близко, одобрили, так сказать... А это... У-у, дорогого стоит. Вы теперь всем нужны будете. Вот увидите... Ладно. Спокойной ночи. Пойду-ка я лечиться.

Виктор возвращается к столу. Стоит какое-то время в раздумьях, осмысляя этот странный визит. Вдруг дверь снова открывается. Виктор вздрагивает, оглядывается.

На пороге стоит Павел.

Павел: Тысяча извинений. Опять забыл. Что-то у меня с памятью. Вас Диана искала. Может быть, что-то срочное? Хотя странно, в такое время... Ну, не мое дело. Еще раз спокойной ночи.

Павел уходит.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ. НОЧЬ

Виктор и Диана идут через площадь к чуть различимой в темноте переулку машине Дианы.

Диана: **Вы драться умеете?**

Виктор: **Смотря с кем.**

Диана: **Не с профессионалами. Профессионалов там не будет, надеюсь.**

Виктор мгновение размышляет, потом делает зверское лицо и сноровисто выбрасывает вперед левую руку с напружиненной ладонью.

Виктор (страшным визгливым голосом): **Кья-а-а!**

Диана (чуть усмехнувшись): **Понятно. Ну, может, до драки и не дойдет. Вот в чем дело... Пропал один наш подопечный. Есть подозрение, что его украли.**

Виктор: **Диана, простите, а ваши подопечные – это кто?**

Диана (помедлив): **Вы еще не поняли? Мокрецы.**

Виктор: **Ах, даже так...**

Диана: **Так. И мне может понадобится помощь. Чтобы вызволить его, понимаете? Если не хотите ехать, то...**

Виктор (вздыхает): **Хорошо. Идемте. Писатель должен познавать жизнь...**

КАБИНА АВТОМОБИЛЯ. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. НОЧЬ

Машина Дианы мчится по мертвым улицам, среди вымерших домов сквозь ненастную тьму. В свете фар высвечиваются мириады летящих капель, но света хватает на каких-то десять-пятнадцать метров, дальше он вязнет в тумане. Визжат тормоза.

Диана: **Мы едем в санаторий, это километрах в восьми от центра. Там полный бардак. Не удивляйтесь. Это дотлевают краевая комиссия. В иколе прикатила разбираться. В пику нам... С июля и пьют не переставая.**

Виктор: **Меня трудно удивить бардаком.**

Диана: **Догадываюсь. Я тоже думала, меня не удивить. Однако... Ох, люди! Просто жрущая и размножающаяся протоплазма.**

Виктор: **Образ, несомненно, выпуклый. И вообще... как это сегодня заметил один клоп... Он сказал: сегодня уже все знают, что есть человек. Что с человеком делать – вот вопрос. Неплохо, а? Хороший мальчик... Вот так, милая Диана.**

Пауза.

Диана: **Я – милая?**

Виктор искоса взглядывает на нее.

Виктор: **Да. В огромной степени.**

Диана (после паузы, улыбнувшись): **Когда все кончится, я поставлю вам бутылку. За комплимент.**

В свете фар, мутно сверкнув, на миг выпрыгивает из густого тумана дорожный указатель: «Санаторий – 3 км».

СТОЯНКА ПЕРЕД САНАТОРИЕМ. НОЧЬ

Дымные струи тумана, дождь. Машина Дианы медленно втискивается на свободное место между роскошными, блестящими от воды корпусами спецмашин с антеннами, мигалками, надписями.

Диана: **Посмотрите внимательно, Виктор. Может, я не заметила. Есть охрана или нет?**

Виктор (протирая стекло): **По-моему, нет никого.**

Диана: **По-моему, тоже. Вы не представляете, как нам повезло. Не могу поверить.**

Виктор и Диана выходят из машины. Мгновенье стоят, прислушиваясь и присматриваясь.

Они молча идут к стеклянному входу. Оттуда доносятся визгливые крики, музыка, шум застолья.

ВЕСТИБЮЛЬ САНАТОРИЯ. НОЧЬ

Виктор и Диана входят в вестибюль.

Диана (тихо): **Нам – туда.**

Показывает вперед по коридору, в конце которого, из распахнутых настень дверей, несутся музыка и пьяный гам.

Виктор: **Мимикрия нужна?**

Диана: **Полная. Нас должны принять за своих.**

Виктор: **Отлично.**

Виктор, пользуясь случаем, крепко прижимает к себе Диану. Так и идут, обнявшись.

Диана: **Виктор, не переигрывайте.**

Виктор: **Стараюсь.**

БАНКЕТНЫЙ ЗАЛ САНАТОРИЯ И КОРИДОРЫ. НОЧЬ

Шум, гам, играет музыка. На импровизированной сцене, обнявшись, поют три пьяные женщины неопределенных лет. Видимо, происходит некий импровизированный конкурс.

Женщины: **Ох, аптекарь, сучий потрох, спрятал героин! Йеллоу сабмарин! Йеллоу сабмарин!**

Виктор и Диана с приклеенными улыбками проходят мимо открытой настежь двери банкетного зала. Их замечают, скользят по ним взглядами, но в суতোлке – не до них.

Они выходят в другой полутемный коридор, заваленный конфетти, пустыми пластиковыми бутылками из-под пива, каким-то обрывками... И тут же Диана, идущая впереди, налетает на полураздетого толстяка, который, заметив ее и решив спяну, что она одна, хватает ее за плечо.

Толстяк: **Деточка, хочешь, я тебе отдамся?**

Виктор берет его за плечи, встряхивает.

Толстяк (шарахаясь в сторону): **Понял, понял... Не надо...**

ПОДЗЕМНЫЙ КОРИДОР И ПОДВАЛ. НОЧЬ

Бетонный подземный коридор, вдоль которого змеятся трубы. Диана и Виктор быстро идут по коридору. Диана на ходу негромко с кем-то говорит по телефону.

Диана: **Так... Вижу – надпись... Теперь куда? Ага, поняла...**

Диана и Виктор поворачивают.

Они выходят в большое подвальное помещение. Идут. Останавливаются у металлической двери.

Диана: **Все. На месте. Перезвоню.**

Диана прячет телефон и тянет на себя ручку двери. Дверь не поддается.

Виктор: **Дайте мне.**

Виктор, надсаживаясь, тянет на себя дверь, та со скрипом приоткрывается. Диана ныряет внутрь, в открывшуюся щель. Виктор входит вслед за ней.

В свете фонарика видно типичное подвальное помещение. Первая комната пуста, и они сразу идут дальше. Здесь на бетонном сыром полу неподвижно лежит, скорчившись, словно от нестерпимой муки, человек в черном.

Диана наклоняется к нему, щупает пульс, потом прикладывает пальцы к артерии на шее.

Виктор: **Ну что... Он жив?**

Диана: **Не пойму...**

Виктор переворачивает мокреца. Черная повязка прорвана, видны следы запекшейся крови, странная, словно каменная кожа на лбу, и открытые темные застывшие глаза. Диана приподнимает ему голову.

Диана (прикрывая лицо мокреца повязкой): **Нужно увезти его отсюда.**

Виктор: **Что?**

Диана: **Я сказала, нельзя его оставлять здесь во всех случаях.**

СТОЯНКА ПЕРЕД САНАТОРИЕМ. НОЧЬ

Уже порядком запыхавшись, Виктор, лавируя между машинами, тащит мокреца к машине Дианы. Их окатывают струи дождя. Диана, забежав вперед, открывает заднюю дверцу.

Виктор осторожно спускает мокреца с плеча, прислоняет его к борту машины. Он замечает появившегося на ступеньках выхода охранника.

Тот вглядывается в темноту, пытаясь понять, что происходит. Но не подходит — не хочет мокнуть.

Виктор (Диане, шепотом): Быстро. Накройте ему лицо. Чем угодно. И заслоните собой.

Диана тут же все понимает, склоняется над мокрецом, звонко и громко смеется.

Виктор (громко): Ну что, так и будем тебя тащить? Все пьяные, не ты один. Вставай! Ну, ноги, ноги убери...

Охранник: Эй, приятель! Что там у вас?

Виктор: Да все нормально... Немного проветрим друга, и обратно.

Виктор открывает дверцу, заталкивает мокреца на заднее сиденье. Диана помогает ему.

Но охранника что-то настораживает. Он подходит к телефону, нажимает кнопку вызова.

Охранник (негромко): Господин Закревски... Это дежурный. Вы не могли бы подойти сюда? Чего-то тут непонятное. Кого-то куда-то везут. А я их не знаю. Может, новые...

Виктор, не торопясь, открывает переднюю дверь, склоняется, будто ищет что-то.

Виктор (Диане, тихо): Ключи, быстро... Диана, ключи!

На ступеньках выхода появляется старший охранник. Не дожидаясь разъяснений, включает сильный фонарь и направляет его луч на Виктора.

Старший охранник (в мегафон, с акцентом): Водитель джипа, подойдите сюда. Вы слышите меня? Водитель джипа, я к вам обращаюсь.

Виктор (вставляя ключ, бормочет): Ага, уже иду. Бегу просто, как же...

Он прыгает на сиденье, и с ходу взревев двигателем, начинает выруливать со стоянки в сторону ворот, задевает кусты и машины.

Позади мчащейся машины вспыхивают лучи мощных фонарей охраны, слышны окрики. Резко начинает звучать сигнал сирены.

Виктор гонит машину по аллее, ведущей к воротам. Ворота раздвижные, и видно, как створки медленно начинают закрываться. Однако машина успевает прорваться сквозь ворота.

Вслед за машиной к воротам выбегают охранники, стреляя на ходу в темноту. Но там только дождь и туман.

КАБИНА АВТОМОБИЛЯ

Машина таранит ненастную ночь.

Виктор: Живы? Ну, слава Богу. Могли и задеть. Куда теперь?

Диана: К старому вокзалу. Знаете, где это?

Она еще не успевает договорить, как Виктор бешено, со скрежетом и визгом колес... разворачивает машину.

Они едут по темным улицам. Виктор оглядывается на мокреца.

Голова мокреца бессильно лежит на коленях Дианы.

Виктор (оглядываясь): Как он там? Жив?

Диана: Он умер. Теперь я могу сказать точно.

Виктор: Подонки... Чего они хотели от него?

Диана: Всемогущества, наверное. Тайн науки. Новых орудий убийства. А может, денег. А может, вечной потенции. Потребности ведь не меняются.

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ. НОЧЬ

Машина въезжает в узкую улицу с подъездными путями.

Виктор вглядывается в глубину проезда. Там стоит грузовой трамвай или какая-то платформа с крышей.

...Придерживая мокреца свободной рукой, чтобы не сполз с плеча, Виктор, задыхаясь, карабкается по широкой лестнице бывшего вокзала. Диана освещает путь зажигалкой.

Диана: **Давайте, я помогу.**

Виктор: **Не надо. Мне одному проще. Идите лучше вперед, осветите.**

Стены покрыты плесенью, окно на лестничной площадке между этажами выбито, кое-где выкрошилась штукатурка, и куски ее валяются на ступенях.

Диана: **Вон та дверь. Подождите. Передохните здесь.**

Она подходит к двери и нажимает цифры кодового звонка.

Диана (повернувшись к Виктору, шепотом): **Когда уйдете, забудьте и эту лестницу, и этот вокзал... Все забудьте! Это очень важно. В первую очередь — для вас же самого... Тихо! Отойдите.**

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ. «ПОЛЯНА ЗА ДВЕРЬЮ». ДЕНЬ

Через несколько мгновений дверь открывается. На пороге — двое мокрецов. За их спинами — огромный простор, не видно стен, не видно потолка.

Мокрец: **Диана? Наконец-то! Где он?**

Диана: **Боюсь, мы опоздали...**

Мокрецы молча направляются за принесенным, один из них пристально смотрит Виктору в лицо, но так ничего и не говорит.

Виктор чуть отходит в сторону, невольно заглядывая за дверь.

Там идет прямой, светлый дождь — как летом во время грибных ливней с радугами. Где-то вдали — медленно перемещаются человеческие фигуры, мокрецы это или нет — не разобрать. Мокрецы вносят своего товарища. Диана входит вслед за мокрецами.

Диана (Виктору): **Подождите, я сейчас.**

Дверь захлопывается у Виктора перед носом.

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ. НОЧЬ

Виктор спускается на один пролет, присаживается на подоконник у выбитого окна.

Он закуривает. Руки у него дрожат — устал до предела. Вверху щелкает дверь, раздаются шаги. В темноте к нему подходит Диана, молча садится рядом. Некоторое время молчат. Тишина — лишь плещет и шумит снаружи падающая с неба, текущая по земле нескончаемая вода. Диана достает флягу.

Диана: **Хотите?**

Виктор: **Это кстати...**

Виктор делает глоток из фляги.

Виктор: **О, отличная вещь. Что это?**

Диана: **Молочная водка. Этот напиток пьют у меня на родине.**

Виктор: **Да? А ваша родина — это где?**

Диана: **Сицзан. Лхаса.**

Виктор: **Вот как?**

Он снова делает глоток.

Виктор: **Хорошо... Давно я не сидел вот так, с девушками, в подъезде. А ведь вправду хорошо. Господи, ну почему мы все время делаем не то, что хотим!**

Диана: **Вы сегодня нам очень помогли. Очень.**

Виктор: **Да? Ну и славно... Кто бы мне помог.**

Диана: **Это вы про что? Про дочь?**

Виктор резко поворачивается.

Виктор: **Кто вам сказал про дочь?**

Диана: **Я же говорила вам — два человека в комиссии имеют доступ к досье. Я, как психолог, и, разумеется, Големба. Вы что, забыли?**

Виктор (помолчав): **И что там еще... В этом досье?**

Диана: **Много чего... Психологический портрет вашей бабушки например. У вас была бабушка на Украине?**

Виктор: **Да, была... А почему вы...**

Диана: Не напрягайтесь, Виктор. Это шутка. Нет там ничего особенного, в этом досье. Общая информация... Я другое не пойму. Зачем вам вообще наша комиссия? При ваших связях могли бы попасть сюда и так.

Виктор: Не мог. В том-то все дело, что не мог. Потому и готов был приехать — как угодно, и кем угодно. Лишь бы спасти дочь... (Пауза.) А оказалось... Тут что-то другое. Их вовсе не надо спасать... А спасать надо нас. По крайней мере, они так считают, детки...

Молчат. Виктор прикуривает следующую сигарету от первой.

Диана: Правильно считают.

Виктор: Вы так думаете?

Диана: Я не думаю. Я знаю. Ох, много, много чего я знаю... Можно было бы меньше.

Виктор: То есть?

Диана: Ну, например, я знаю, что через десять лет... (Пауза.) Хотя ладно, не надо это.

Виктор: Нет-нет. Продолжайте, я прошу.

Диана: Правда, хотите знать?

Виктор: Хочу.

Диана: Через десять лет... Мы встретимся с вами снова, Виктор... Я вижу... Я вижу... какой-то пыльный город... Там очень жарко... Что-то случилось... У вас рука в крови... Гостиница... И мы встретились. Вроде случайно...

Виктор: И что?

Диана: Не знаю. (Смеется.) Десять лет это не много. Узнаем.

ЛЕТНИЙ РЕСТОРАН

Среди волн, перекатывающихся между столиками, ходит Максуд, помощник Квадригина, наводит порядок на столиках, собирает использованную посуду на поднос и несет к стойке, в подсобку. Он идет мимо столика, за которым сидят Виктор и Големба. Похоже, сидят они давно. Столик стоит на самом краю ресторана, там где раньше была застекленная веранда. Ее огромные стеклянные двери открыты в пустоту. Там видны пенные гребешки низких волн. Только вдали раскачивается точка света — то ли лампа, то ли фонарь — и часть темной стены.

Големба оглядывается назад, в сторону кухни.

Големба: Господин Квадригин! Долго еще?

Из открытой двери служебного помещения высовывается Квадригин в нелепом белом переднике поверх прорезиненной одежды.

Квадригин: Уже, господин Големба, сейчас несусь.

Големба (Виктору): Что он копается? Чертовски есть хочется. Наливайте, что ли.

Виктор разливает коньяк по рюмкам.

Големба: А что до вашего вопроса, то я полагаю: они — люди. Просто уже совсем другие. Ну, это как... Вы бывали в монастырях? Видели монахов? Вроде люди — а по сути... Пришельцы... Из другого мира... Горнего, как они говорят. Слово-то какое — горнего...

Он задумчиво поднимает палец вверх.

Големба: Им ничего земное не нужно. Другие интересы, другие желания. Ведь они сами как говорят о себе? Мы — не от мира сего. То есть мы из другого мира. Яснее не скажешь...

Виктор молчит.

Големба (снова оглядывается, смотрит в сторону стойки): Ну, наконец-то...

У стойки суетятся Квадригин и Максуд. Они ставят на поднос фужеры, бутылку, какую-то закуску. Квадригин берет поднос и идет к столику Виктора и Голембы.

Виктор сидит молча, задумчиво смотрит на волны. Квадригин подходит к столу.

Виктор: Хорошо здесь у вас, Рой Михалыч.

Квадригин: Вам нравится? Я рад. А то, может, все-таки, пойдете в служебку, а? Там сухо, тепло... Печка работает.

Големба: Нет-нет. Мы будем сидеть здесь. Нам здесь нравится.

Квадригин: Ну, как знаете. Я что... Я просто предложил. Я еще сейчас бутерброды принесу горячие. И кофе.

Големба: Спасибо.

Виктор поудобнее устраивается на стуле, но неожиданно замечает, что Големба внимательно смотрит куда-то в сторону. Виктор поднимает голову и тоже вглядывается в темноту, в пространство за раскрытой дверью ресторана. Там видна чуть различимая фигура. За прозрачной стеной воды, падающей с навеса, стоит Мокрец. Лицо его закрыто. Он делает неторопливый жест рукой, подзывая к себе кого-то.

Големба: По-моему, это за вами. То есть к вам.

Виктор: Почему вы решили?

Големба: К вам, к вам. Вот он показывает.

Виктор: Вы думаете, мне подойти?

Големба: Я ничего не думаю. Решайте сами.

Виктор секунду колеблется, затем встает и идет к раскрытым дверям.

Квадригин и Максуд с интересом и опаской выходят из-за стойки и наблюдают за тем, что будет. Все-таки не каждый день мокрецы приходят к их ресторану.

Виктор выходит из двери и сразу попадает в густой дождь. Он делает несколько шагов в темноту и оказывается рядом с Мокрецом. Тот стоит, не приближаясь, поджидая Виктора.

Мокрец: Здравствуйте, господин Банев.

Виктор: Здравствуйте...

Подходит.

Мокрец запикивает руку глубоко себе за пазуху, что-то нащупывает там.

Мокрец: Ира просила вам это передать.

Он вынимает обыкновенный лазерный диск в плоском прозрачном контейнере. Таких миллионы. Виктор с недоумением берет диск, вертит его в руке. Никаких надписей, по которым можно было бы судить о его содержании.

Виктор: Что здесь?

Мокрец: Довольно трудно объяснить. Ну как стихи, как эссе... Мы иногда просим ребят делать такие слепки сознания, образы мироощущения.

Виктор: Образы мироощущения... Она сама просила?

Мокрец: Сама.

Виктор тронут, взволнован этим знаком того, что не безразличен дочери, но старается этого не показать.

Виктор: Зачем?

Мокрец: Не знаю. Думаю, ей хочется, чтобы вы ее поняли. А может... чтобы вы просто хоть что-то поняли. У вас ведь какой-то спор? Конфликт?

Виктор прячет диск в нагрудном кармане плаща.

Виктор: Конфликт... Да... Спасибо.

Мокрец протягивает на прощание Виктору руку, затянутую черной перчаткой. После ощутимого колебания тот протягивает свою в ответ. Они обмениваются рукопожатием.

Мокрец смотрит на Виктора спокойно и понимающе, будто видит его насквозь.

Мокрец: И вот еще что. Это уже от меня. Не ломайте голову, на чьей вы стороне. Будьте на своей стороне – это самое лучшее.

Виктор: Вы про что?

Мокрец: Про все.

Мокрец поворачивается было, чтобы уйти, но Виктор останавливает его.

Виктор: Погодите... У меня просьба.

Мокрец: Да?

Виктор: Я хотел бы увидеть ваше лицо.

Мокрец: Зачем?

Виктор: Ну... как это вы сказали... чтобы что-то понять.

Мокрец: Вы ожидаете увидеть чудовище? Призрак? Я такой же человек, как и вы.

Он поворачивается и идет прочь.

Виктор возвращается к столу, садится.

Големба: Что? Что там?

Виктор: Это личное. От дочери.

Големба: Понятно... Ешьте. Принесли бутерброды.

Виктор: Что-то не хочется. Пожалуй, пойду... Хотя... Айк, я вот что хотел спросить у вас.

Големба: Да?

Виктор: Скажите мне, Айк, только честно. Что это за генетическая болезнь такая? Никто ничего не может мне толком объяснить. Вы что-то скрываете? Я член комиссии. Я, в общем-то, имею право знать.

Големба: А что вы конкретно хотите узнать?

Виктор: Ну, например, болезнь это или что-то другое?

Големба: Опять вы... Ну, не знаю. Никто не знает. Внутри вида зарождается новый вид. Мы называем это генетической болезнью. А вообще-то... Они просто очень молоды, у них все впереди, а у нас впереди — только они...

Виктор: Опять демагогия. Они впереди, мы позади... Айк, я задаю ясный и простой вопрос. Заразно это или нет? Могу я, например, заразиться?

Големба: И да и нет.

Виктор: Айк, вы издеваетесь?

Големба: Нет, Виктор. Постарайтесь понять. Тут принцип другой. Не хочешь — не заболеешь. В этом вся штука... нужна тоска. Такая тоска... Чтобы нестерпимо жгло, чтобы тянуло куда-то... Тянуло невыносимо. К какой-то другой жизни, к другим целям, другим мирам, не знаю... У меня это было, но давно прошло, я опоздал. У вас — не знаю. А у детей — еще есть. Пока. Поэтому они с ними, а не с нами.

Виктор (помолчав): Это вы хорошо сказали — тоска... Нужна тоска. Это я понимаю...

Виктор встает, теперь уже точно собираясь уйти.

Виктор: Да, Айк. А что, заседание комиссии будет или нет?

Големба: Если Комов вернется.

Виктор: Вернется откуда?

Големба: Из областного центра. Там совещание объединенных штабов. (Смотрит на часы.) Да. Вот в эти минуты все и решается.

Виктор: Тогда почему вы здесь?

Големба: А меня не позвали. Как мальчишку выставили за дверь. Так-то...

Големба старается шутить, но видно, что все это унижение доставляет ему почти физическую боль.

Виктор возвращается к столу, похоже, собираясь выразить свои сочувствия. Големба тут же догадывается о его намерениях.

Големба: Виктор, только не надо никаких слов... Прошу вас... Кстати, не помните, откуда это: «До чего же это мерзкая затея — наша цивилизация».

Виктор: Аро Зурзмансор. Из писем.

Големба: Точно. Зурзмансор. А вы говорите, что я книг не читаю... Читаю...

Големба отворачивается, но Виктор успевает заметить, что у него в глазах стоят слезы.

НОМЕР ВИКТОРА В ГОСТИНИЦЕ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Виктор входит в свой номер. Не зажигая свет, подходит к столу. Достает диск, который дал ему Мокрец. Рассматривает его, кладет на стол. Стоит, курит, прислушиваясь к шорохам в комнате. Затем подходит к окну. Густой дождь. Серый туманный полумрак.

Виктор возвращается к столу.

Вставляет диск в устройство для прослушивания.

Ложится на кровать. Начинает звучать голос Иры.

Голос Иры: ...**Дважды умершие, живущие после смерти Бога, мы ищем свою тень в потоке иллюзий спящего мира. Мы живем в мире тотальных подмен, в мире чисел и призраков, в мире, где все слова стерлись и потеряли смысл. Эпоха профанов. Эпоха невыносимой пошлости существования. Царство банального, воспевающее собственную пустоту. Дух окончательно покинул наш мир. Время сжимается. Нет уже времени. Нет пространства. Агония небытия. Дух бесплодия витает над осиротевшей землей, обреченной испытать последнее из одиночеств... Страх заполняет душу. Все предельно. Открылись последние тайны. Ветер из бездны опалает наше лицо... Кто это сказал? Я спрашиваю вас, кто? Ответьте мне...***

Голос умолкает. Тишина.

Почти в полной темноте Виктор продолжает лежать не двигаясь. Затем резко садится.

...Ему кажется, что он слышит какой-то странный, отдаленный гул, словно дыхание космоса, искаженное и отраженное пространством...

...Ему кажется, что на его лице появляется свет от лампы, которая начинает чуть-чуть накаляться, как тогда, при появлении Иры.

Виктор переводит взгляд в сторону источника света.

Там он видит самого себя, внимательно рассматривающего мигающий волосок накаливания.

...Ему кажется, что время рвется, теряется связь, меняется последовательность. Он снова видит себя – но теперь уже стоящего у окна.

Затем снова – сидящего на кровати.

ВЫГОРОДКА. ДЕНЬ

...Неожиданно он видит совсем близко от себя темную стену, его взгляд скользит по ней, и открывается окно-проем, без стекла, в стиле немецкого Ренессанса.

Там, за окном, в ярком солнечном свете видна какая-то долина, далекие деревья и легкий летний туман. Четко и ясно слышны все звуки, стрекотание кузнечиков, шелест летней травы и листьев.

Но взгляд Виктора скользит дальше, вдоль стены. Окно исчезает, и теперь ему виден стол, на нем фрукты, книга, горит свеча. За столом сидит девочка, читает книгу. Это – Ира, но узнать ее трудно. Ее одеяние, все предметы в комнате словно сошли с картины XVI века.

Почувствовав взгляд Виктора, Ира поднимает глаза и смотрит на него, видно, что она удивлена.

Ира (нем.): Кто вы? Как вы здесь оказались? Как странно...

За спиной Иры появляется Женщина.

Женщина (Ире, нем.): Не надо смотреть в зеркало.

Она приближает свое лицо, словно хочет разглядеть в стекле неожиданного гостя, но тут свет с ее лица пропадает, все погружается в темноту.

НОМЕР ВИКТОРА В ГОСТИНИЦЕ. НОЧЬ

Виктор лежит на полу, его голова качается из стороны в сторону, словно он пытается что-то отрицать, о чем-то спорить. Но главное при этом – он беспрестанно что-то говорит, говорит, говорит по-немецки, на языке, которого он не знает.

Затем неожиданно и резко умолкает, словно услышав со стороны самого себя.

Доносится какой-то отдаленный, напряженный и постепенно нарастающий гул. Окна отсвечивают красным светом, и он, прерывисто мигая, скользит по темной комнате.

Гул продолжается. Слышны голоса из коридора. Кто-то резко и громко стучит в дверь.

Голос: Откройте! Эвакуация!

Из коридора слышны множественные шаги, какие-то невнятные выкрики и скороговорки.

Голос из коридора: **Все вниз с вещами! Срочная эвакуация! Автобусы уходят через двадцать минут! Все вниз с вещами! Срочная эвакуация! Автобусы уходят через двадцать минут!**

Второй голос из коридора (отдаленно): **Что случилось? Кто-нибудь может сказать, что случилось?**

Слышен стук в дверь, теперь уже снова в соседнюю, только с другой стороны. И снова, уже поодаль, звучит та же фраза.

Голос из коридора: **Все вниз с вещами! Срочная эвакуация! Автобусы уходят через двадцать минут!**

Виктор переводит дыхание, садится. Оглядывается на окно. Дождь льет, как прежде, но сквозь плеск и рокот воды отчетливо нарастает пока еще очень отдаленный, изматывающий гул бомбардировщиков. Виктор сглатывает. Теперь до него доходит смысл происходящего.

КОРИДОР ГОСТИНИЦЫ. НОЧЬ

В коридоре мигает багровая лампа пожарной сигнализации, ее мигание совпадает с надрывным звуком зуммера, разносящегося по этажу.

По коридору идет патруль из пяти человек, двое из них с мегафонами (один повторяет текст объявления по-русски, другой по-английски). Остальные трое заглядывают в комнаты, проверяют, не остался ли кто, затем опечатывают двери, заклеивая их цветным скотчем крест-накрест.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ. НОЧЬ

На улице перед гостиницей — хаос. Горят фары автобусов и машин. Гомон, крики. Мечутся увешанные сумками люди, кто-то катит чемодан на тележке, нещадно расталкивая всех попадающихся на пути, кто-то кого-то ищет и не может найти. Валяются оброненные в суете вещи.

Перекрывая и гомон, и беспорядочные сигналы клаксонов, раздаются усиленные микрофонами голоса Комова.

Комов: Сейчас подъедут еще автобусы. Повторяю. Подъедут еще автобусы. Все поместятся.

Виктор с сумкой через плечо, лавируя в толпе, идет на этот голос. Подходит к Комову, стоящему на ступеньке одного из уже переполненных автобусов.

Виктор: **Что происходит? Ведь комиссия еще не принимала решения?**

Комов (показывая пальцем на гудящее небо): **Да кому теперь интересны наши решения? Вы что, не понимаете, что происходит?**

Из глубины автобуса к Комову подбегает какой-то человек. Выслушав его, Комов кричит в микрофон.

Комов: **Дайте коридор «скорой помощи»! Шестой и седьмой, подайте вправо, дайте коридор! У меня тут сердечный приступ!**

Виктор: **Послушайте... Где Айзэк?**

В левой руке у Комова пищит трубка мобильного телефона, Комов подносит ее к уху, но прежде, чем ответить, говорит Виктору.

Комов: **Виктор, идите! Айзэк уже в автобусе, вон там. Он все вам объяснит. Пожалуйста... (В телефон.) Да, слушаю.**

Виктор поворачивается и идет через площадь. Слышны голоса распорядителей, усиленные мегафонами — на русском и английском языках.

Голоса распорядителей: **Пожалуйста, быстрее... автобус номер три, выезжайте. Выезжайте из ряда, не ждите... Спецмашина в первом ряду, двигайтесь на выезд, вас все ждут...**

Виктор быстро идет через площадь, заглядывая в отъезжающие автобусы.

Он видит автобус комиссии. Тот уже медленно движется, выезжая, но дверь открыта. В двери, свесившись, стоит Големба и яростно машет рукой Виктору.

Големба: **Виктор! Сюда! Быстрее! Мы здесь!**

САЛОН АВТОБУСА. НОЧЬ

Виктор вскакивает в автобус на ходу, плюхается на сиденье. Все сидят молча, подавленные.

Виктор: **Айзек, а где дети?**

Големба: **Детей должны были вывезти в первую очередь. Прямо из школы. Детьми занимается Диана. (Водителю.) Все, поехали!**

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ. НОЧЬ

Колонна машин медленно движется по площади. Резкий свет фар, мелькание теней бегущих к грузовикам солдат. Мелькание мигалок в сплошной пелене дождя. И над всем этим – отдаленное гудение бомбардировщиков.

ПРИЧАЛ. НОЧЬ

В свете прожекторов военные устанавливают проходы для погрузки эвакуируемых на катера.

На других катерах уже идет эвакуация, люди поднимаются по сходням. Рокочут движки, подавая электричество. Рядом огромные палатки, между которыми стоят армейские грузовики.

Подъезжают другие автобусы, из них выходят люди.

Основное скопление эвакуированных – у регистрационной палатки, там, где торопливо идет регистрация тех, кто затем переходит на сходни, скинутые с нескольких катеров, струдившихся у причала, явно не рассчитанного на такое количество судов. Под просторным брезентовым навесом, защищающим от дождя, несколько столов, к которым выстроилось уже несколько длинных, гомонящих очередей; за столами – военные вносят людей в списки и направляют людей на тот или иной катер.

Виктор пробирается сквозь ветвящиеся, переплетенные очереди. Похоже, он кого-то ищет, высматривает. Останавливается у каждой фигуры девушки или девочки-подростка, стараясь увидеть лицо. Но тщетно – тех, кого он ищет, тут нет.

Виктор проталкивается к столу, обращается к военному.

Виктор: **А где дети из интерната?.. Что?.. А кто знает?**

Военный отмахивается.

Виктор и Големба быстро идут под дождем где-то на окраине лагеря. Свет прожекторов, суэта, крики остались позади. Кругом лишь тьма, ливень и гул. И надсадное чавканье под ногами. Здесь стоят военные машины, работают движки. Впереди видны мощные антенны на машинах связистов. Сбоку чуть различимы черные громады больших военных катеров.

Големба: **Да успокойтесь вы. Три катера уже отошли. Они могли быть там. Могли их уже отправить.**

Виктор: **Не было их там. Я узнавал.**

Големба: **Спокойно, Виктор. Нужно найти Комова.**

Виктор и Големба подходят к большой палатке, к которой ведет множество кабелей от стоящих вокруг нее армейских машин с работающими движками. На пологие крупно написано «Штаб» – по-русски и по-английски.

Виктор и Големба входят вовнутрь, предъявив свои пропуска охранникам.

ШТАБНАЯ ПАЛАТКА. НОЧЬ

В палатке – рабочий хаос. Кто-то говорит по телефону, кто-то работает за компьютерами; люди входят и выходят, слышна русская и английская речь.

Оператор: **Третье звено ушло на дозаправку. Второе звено отработало и тоже разворачивается... Концентрация – семьдесят пэдэка... семьдесят две... Первое крыло американцев отработало и уходит. Седьмое идет на замену...**

Големба и Виктор идут вдоль столов, за которыми работают операторы. В конце помещения находится своего рода штабной кабинет. Дверь туда открыта настежь. Видна висящая на стене большая штабная карта с флажками-самолетиками. Тут же у

входа стоит высокопоставленный Военный в американской форме, говорит с кем-то по телефону.

Неожиданно из кабинета выходит Полковник и резко командует ближайшему оператору.

Полковник: Соедините меня с центром координации.

И тут же снова Полковник возвращается в кабинет, чуть кивнув Голембе.

Големба и Виктор входят вслед за ним.

Посреди кабинета — Комов и Полковник. Они словно готовы к драке и почти кричат друг на друга. Таким Виктор еще не видел мягкого, тактичного Геннадия Комова.

Комов: Вы же мне обещали! Вы клялись, что у вас прямая связь с аэродромами, с командованием!

Полковник: А что я могу? Как я могу остановить операцию? Авиация уже в воздухе. Что, не слышите? Тысяча бортов!

Комов: Если их всерьез накроет? Я говорю, что будет с детьми, если они остались в городе? Почему я до сих пор не могу получить ясный ответ — остался кто-то или нет? Остался или нет?!

Полковник молчит.

Комов (тихо): Это же убийство... (После паузы.) Если б я знал, что так будет, я никогда не подписал бы решение комиссии...

В палатке становится заметно тише. Похоже, что все прислушивались к этому скандалу и лишь делали вид, что не обращают на него внимания, занимаясь своими неотложными делами.

Полковник делает маленький шаг навстречу Комову.

Полковник: Геннадий Андреевич... Генштабы работали, президенты созванивались... Кто мы такие? Как я могу остановить операцию?

Комов, не дослушав его, решительно направляется к выходу из палатки.

Големба (Комову): Что, что случилось, Геннадий? Что-то с детьми?

Комов (на ходу): Пропал автобус с детьми. Тот, где Диана... Не приехал. Нигде его нет. Не исключено, что он еще в городе. Или... или...

Ни на кого не глядя, Комов идет к выходу из палатки. Виктор и Големба спешат за ним.

Големба: А что Диана? С ней есть какая-то связь?

Комов: Нет. Трубка молчит. Не отвечает. Сама не звонила. Я ничего понять не могу.

Оператор (в рацию): Четвертое отбомбилось... виноват, отработало... Концентрация — сто шесть пэдэка...

Комов, Виктор и Големба выходят из палатки.

У Виктора скулы ходят ходуном. Он молча и решительно направляется в темноту.

ПРИЧАЛ. НОЧЬ

Големба идет за Виктором, догоняет.

Големба: Виктор, вы куда? Виктор, вы что задумали?

Виктор: Возвращайтесь в штаб, Аик.

Големба: А вы?

Виктор: А я к ним.

Големба: Куда к ним? Вы даже не знаете, где они. С ума сошли?

Виктор: Найду... Вот что, Аик...

Виктор резко останавливается.

Виктор: Дайте мне вашу трубку спецсвязи. Обычная связь может не сработать. А мне нужна информация постоянно. Малейшее изменение ситуации. Я все должен знать.

Големба секунду колеблется, затем протягивает трубку Виктору.

Големба: Вверху — красная кнопка.

Виктор: Я знаю.

Виктор уходит в темноту.

Големба стоит какое-то мгновение и уже поворачивается, чтобы уйти. Но неожиданно что-то вспомнив, бросается вслед за Виктором.

Големба: **Виктор, подождите! Это важно!**

Големба догоняет Виктора.

Големба: **Вы знаете, где находится старый вокзал? Там есть помещение...**

Виктор (перебивает): **Знаю. Вы думаете?..**

Големба: **Да-да. Они могут быть там. Почти уверен... Наверняка там...**

СТОЯНКА ВОЗЛЕ ПРИЧАЛА. НОЧЬ

Виктор бежит в темноте, присматриваясь к стоящим машинам. Садится в кабину большого автобуса.

Ключ зажигания на месте. Виктор заводит мотор.

Виктор резко захлопывает дверцу.

Автобус выруливает на дорогу и начинает стремительно наращивать скорость. Раздаются окрики патрульных в мегафон. Мелькают лучи света мощных фонарей.

Голоса патрульных: Автобусу остановиться!

На границе света и тьмы, у пропускного поста, он разбивает шлагбаум и несется дальше в темноту. Ему вслед стреляют из автоматов солдаты охраны. Звенят, разлетаясь, задние стекла. Автобус, тараня фарами ночную морось, несется к городу.

ШТАБНАЯ ПАЛАТКА. НОЧЬ

Големба возвращается к штабной палатке, у входа оглядывается, словно надеясь все еще увидеть в темноте удаляющийся автобус. Затем входит вовнутрь.

Големба идет вдоль столов, за которыми работают операторы. У последнего стола, склонившись над оператором, стоит Комов.

Оператор: Я смог бы определить ее месторасположение, если бы трубка спецсвязи была включена. Но она выключена.

Комов: Вы уверены?

Оператор: Абсолютно.

Комов (подошедшему Голембе): **Я ничего не могу понять. Если Диана жива, она не может не понимать... (Оператору.) Вызовите еще раз. Вызывайте постоянно.**

Оператор: Хорошо. Как скажете

Комов оглядывается по сторонам. Затем делает Голембе незаметно знак рукой – дескать, отойдем в сторону.

Они отходят в сторону. Комов, снова оглядываясь, дает Голембе какую-то бумагу – бланк, заполненный цифрами.

Големба (тихо): **Что это?**

Комов (тихо): **Формула реагента... Он не просто активен. Он чудовищно активен! После его выпадения ничего живого не останется. Отравленная пустыня. Я же как чувствовал, что здесь подвох... Что же теперь делать, что, Айк?**

УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. КАБИНА АВТОБУСА. НОЧЬ

Виктор гонит, как только может, автобус то и дело заносит. Дворники ожесточенно гоняют воду по ветровому стеклу.

Скрежет тормозов, рокот мотора и плеск дождя не могут заглушить равномерно льющегося с неба звенящего гула работающих самолетов.

Свет фар на миг выхватывает из тьмы знакомый поворот у старого вокзала. И тут же Виктор сворачивает и тормозит.

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ. НОЧЬ

Оставив автобус, Виктор спрыгивает прямо в глубокую лужу и, не разбирая дороги, идет через проходной двор, поглядывая на гудящее небо над головой. Вот он, старый вокзал.

Виктор поднимается по лестнице. Дверь в помещение, где были мокрецы, открыта настежь. Виктор подходит ближе – сомнений нет, внутри помещения темнота, там ничего нет. Пустое помещение вокзального склада.

Виктор проводит по стене рукой, словно не доверяя самому себе.

Неожиданно в его кармане начинает звонить телефон. Вздвигнув от неожиданности, он быстро достает трубку спецсвязи.

Виктор (негромко, словно опасаясь, что его могут услышать): **Да, Айзек, слушаю.**

Голос Голембы: **Виктор, на старом вокзале никого нет! Вы слышите?**

Виктор: **Слышу.**

Голос Голембы: **Они все в школе! Слушайте внимательно, Виктор. Звонила Диана. Ситуация...**

Виктор: **Что? Да говорите же, Айк!**

ШТАБНАЯ ПАЛАТКА.НОЧЬ. – СТАРЫЙ ВОКЗАЛ

Големба и Комов стоят в углу, вокруг них столпились операторы, Полковник. Кто шепотом, кто жестами пытается давать советы.

Полковник: **Пусть он...**

Големба: **Да подождите вы! Помолчите!**

Големба отворачивается от всех.

Комов также жестами показывает Голембе на бумажку в своей руке (это бланк с замерами). Големба кивает – дескать, знаю об этом, сейчас скажу.

Големба: **Слушайте, Виктор... Там такая ситуация. Дети отказались покидать город. Отказались эвакуироваться. Диана осталась с ними.**

Виктор идет, оглядываясь, по зданию – назад, к автобусу.

Виктор: **Подождите... Что значит – отказались? Как это – дети отказались!?**

Големба: **Ну как, как... Не знаю. Дети же видят, что мокрецов... убивают... Я думаю, дети надеются, что операцию отменят. Из-за них. Похоже, что это их ультиматум. Скорее всего...**

Виктор: **Айк, все. Конец связи. Позвоню сам. Сколько у меня всего времени?**

Големба: **Да подождите вы, не выключайте трубку! В этом все дело. Нет у вас времени. То есть очень мало... Выпадение реагента может начаться уже через двадцать минут. У меня данные последнего замера.**

Он машинально берет в руки бумажку, которую держал Комов, и тут же отдает ему обратно

Виктор быстро идет к автобусу. Вокруг тишина, только гудит надрывно низкое небо. Сквозь тучи пробиваются сотни мигающих бортовых огней самолетов. Виктор поглядывает на гудящее небо.

Голос Голембы: **Вы не успеете выехать из города. Даже не пробуйте. Ищите любое убежище. В школе должно быть. Но только – полная герметизация! Слышите? Полная! Закройте все воздухозаборники. Никакой фильтрации.**

Виктор вскакивает в автобус.

Виктор: **Я все понял, Айк. Конец связи. Останусь жив – позвоню.**

УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА

Автобус, резко взвизгнув тормозами, вылетает из-за поворота. Свет фар мечется по пустынной улице, по стенам домов с выбитыми окнами – и тут же пропадает за следующим поворотом.

Виктор гонит, как только возможно, рукой протирая постоянно запотевающее стекло.

Наконец, автобус резко сворачивает в какой-то проезд между домами и тут же тормозит. Похоже, впереди нет проезда. Машину заносит.

Виктор выпрыгивает из кабины и бежит что есть силы по проезду к темной арке школьного двора.

ШКОЛА. НОЧЬ

Виктор взбегаёт по полутемной широкой школьной лестнице.

Заглядывает в коридор второго этажа. Глубокий сумрак, тишина, никого нет.

Он бежит по лестнице выше, на третий этаж...

...вбегает в такой же полутемный коридор и...

...сразу же замечает темные тени мокрецов возле открытых дверей одного из классов. Сквозь стеклянные двери класса видны другие мокрецы – человек двенадцать. Те, что вышли из класса – а их всего трое, – вероятно, услышали шаги. Они стоят у двери и вопросительно смотрят на Банева.

Виктор решительно подходит к ним. В одном из мокрецов он узнает Зиновия, поэтому и обращается прямо к нему.

Виктор (с трудом переводя дыхание): **Где дети?**

Зиновий: **Дети?**

Виктор: **Да! Да! Дети!**

Зиновий (показывая рукой в другой конец коридора): **Они там... Они... Подождите...**

Виктор, не дослушав, тут же бегом бросается туда, куда указал ему Зиновий.

Зиновий (вслед Виктору): **Послушайте. Это бесполезно. Господин Банев... Остановитесь...**

Виктор бежит по коридору, заглядывая в классы. Наконец, в конце коридора, в одном из классов он видит детей.

Виктор вбегает в класс и замирает на пороге.

Он видит сидящих детей. Они молча смотрят на него, повернув к нему лица. Взгляд их холодный и враждебный. Чуть поодаль от них сидит Диана.

Она чуть заметно отрицательно качает головой, давая понять, что все слова бесполезны.

Впрочем, Виктор интуитивно понимает это и сам. Он бессильно опускается на свободный стул у двери, смотрит на Диану, смотрит на детей. Молчит. Просто сидит и переводит дыхание. В тишине звенят стекла от гула самолетов. Кажется, что это гудение стало сильнее и ближе.

Виктор взглядом находит Иру.

Она отводит глаза, смотрит в сторону окна.

Виктор снова окидывает взглядом детей, темный класс, и вдруг, словно очнувшись, резко встает и стремительно выбегает в коридор.

Виктор бежит по коридору, возвращается к классу, в котором находятся мокрецы. Он входит вовнутрь. Мокрецы сразу умолкают – похоже, у них был какой-то спор или конфликт.

Виктор различает среди черных фигур Зиновия и подходит к нему.

Виктор: **Чего вы ждете? Что операцию отменяют? Ее не отменяют! Это я знаю точно. И что тогда? Что? Ну, вы решили погибнуть. Это ваше дело... А дети? Дети тут при чем? Ведь они тоже погибнут! Понимаете? Нет? Ну, вы же умные, гениальные, духовные... Светочи духа... А такую простую вещь не можете понять? Где же ваш ум? Зачем дети должны погибнуть? За что?**

Зиновий: **Это их выбор!**

Виктор: **Нет! Нет... Вы прекрасно знаете. Достаточно одного вашего слова, и они пойдут в убежище, а значит – останутся живы. Они же вам верят! Только вам и больше никому. Только вы можете их убедить спуститься в убежище... Ну? Ну что вы хотите еще? Вам нужна жертва? Тогда возьмите мою жизнь! Я останусь, здесь, с вами... Но дети пусть спасутся. Они должны жить.**

Первый мокрец (Зиновию): **Он прав.**

Второй мокрец: **Я тоже думаю, что он прав. Зиновий! Этот человек прав. Ты должен признать это... Если хочешь, могу пойти я к детям.**

Зиновий (резко): **Не надо. Пойду я.**

Зиновий выходит из класса, но возле двери останавливается.

Зиновий (одному из мокрецов): **Арсон, пойдем со мной.**

Мокрец выходит вслед за Зиновием.

Банев тяжело садится. Закрывает глаза. Похоже, силы оставили его.

К нему подходит Третий мокрец, садится напротив. Они молчат, смотрят друг на друга. Теперь Виктор может заметить, что это тот самый мокрец, который передавал ему диск.

Третий мокрец: Как жаль, что уже нет времени поговорить... Мне хотелось задать вам столько вопросов... Да, время – это то, чего всегда не хватает... И у вас, и у нас... Впрочем... Я, знаете, сегодня читал Данте. Там, если помните... Я в третьем круге, там, где дождь струится. Проклятый, вечный, грузный, ледяной... Всегда такой же, он все так же длится... Хотя проклятым людям, там живущим, к прямому совершенству не прийти... Ну и так далее... Удивительно... Будто он чувствовал. Знал...

Виктор украдкой смотрит на часы.

Виктор: Да, да. Понимаю.

Третий мокрец смотрит на дверь и тут же встает, услышав торопливые шаги.

Третий мокрец (Виктору): Ну, вот и все. Похоже, пора прощаться.

Входит Зиновий, подходит к Виктору.

Зиновий: Идите, Виктор. Дети ждут вас. Они уже внизу.

Виктор оглядывает мокрецов, возможно, понимая, что надо как-то проститься, что-то сказать, но Зиновий торопит его резко и решительно.

Зиновий: Идите! Идите. Мало времени.

Зиновий отворачивается.

УБЕЖИЩЕ. НОЧЬ

Толстая бронированная дверь открыта. Дети входят в убежище. Последними входят Диана и Виктор. Виктор закрывает дверь, завинчивает ручки запоров.

Виктор замечает, что красная лампочка контроля герметизации рядом с дверью продолжает гореть. Виктор сильнее проворачивает запор, стучит пальцем по лампочке – но она горит.

Виктор (Диане): Посмотрите. Там есть еще одна дверь? Быстрее!

Диана: Сейчас.

Она входит в глубь помещения и тут же возвращается.

Диана: Есть! Она открыта!

Виктор быстро идет ко второй двери.

Он закрывает ее, завинчивает запоры.

Лампочка контроля наконец гаснет.

Виктор тяжело переводит дыхание, садится прямо у двери, оглядывает тесное помещение.

В тусклой красноватой мгле, набившись в тесный куб убежища, вплотную друг к другу сидят дети. Мертвая тишина, слышно лишь множественное затрудненное дыхание. Лица сидящих сразу покрываются потом. Дышать становится все труднее.

Ира (тихо): А если все-таки включить фильтры? Немного воздуха...

Виктор: Нельзя. Не разговаривайте. Старайтесь реже дышать.

Его лицо неожиданно погружается в полутьму, затем снова высвечивается. Он смотрит вверх.

Лампы начинают гаснуть, мигать, снижать накал.

Виктор (стараясь подбодрить детей): Это ничего. Так должно быть. Аккумуляторы здесь слабые.

Диана вопросительно смотрит на Виктора.

Виктор встает и заглядывает в окошко иллюминатора. Ему видно...

...как желтый туман заполняет пространство подвала, освещенное горящими в полнакала лампами, укрытыми металлическими сетками. Там, где туман густо окружает лампы, они начинают гулко лопаться.

Наконец, последняя лампа, ярко вспыхнув, разлетается вдребезги. В подвале наступает темнота.

Стекло иллюминатора запотекает.

Виктор отворачивается от окна и садится на пол. Диана и дети вопросительно смотрят на него.

Виктор отводит глаза.

Лампы в убежище продолжают мигать. Становится все темнее.

Лица постепенно пропадают во мгле – сначала те, что дальше, потом – и те, что рядом.

Ира (очень тихо): **Пап, почитай что-нибудь?**

В густеющем сумраке видно: она встает и подходит к нему, садится рядом.

Виктор (после паузы): **За поворотом, в глубине лесного лога готово будущее мне верней залага...**

Становится совсем темно, и из этой темноты звучит голос Виктора.

Голос Виктора: **Его уже не втянешь в спор и не заластишь. Оно распахнуто, как бор, все вширь, все настезь...**

КОРИДОРЫ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА. ДЕНЬ. ОСЕНЬ

Бесконечный однообразный коридор. Резкий и очень яркий свет от равномерно расположенных плафонов чередуется с глубокой тьмой. Свет. Тьма. Свет. Тьма. Беззвучие. Постепенно реальные звуки возвращаются.

Банев быстро идет по коридору в сопровождении военного, у которого поверх формы накинут медицинский халат. Кажется, что коридор бесконечен, а движения замедленны, словно во сне.

Идут долго, абсолютно молча. Гулко резонируют их шаги в пустом коридоре. Поворот, еще поворот, снова коридор.

ПРОПУСКНОЙ ПУНКТ. ДЕНЬ. ОСЕНЬ

Наконец они подходят к стеклянным дверям с массой запрещающих знаков – пропускному пункту. Военный подает какие-то бумаги в окошко начальнику смены. Тот тщательно рассматривает документы, потом кивает.

Начальник смены: **Подождите минутку, господин Банев, я вызову сопровождение.**

Поднимает трубку телефона, стоящего на стойке пропускного пункта. Виктор ждет.

Начальник смены (в трубку): **У нас посетитель. Член комиссии ООН, да-да... Ну, разумеется, в порядке. Пришлите кого-нибудь...**

Между тем начальник смены открывает журнал, поворачивает его к Баневу вместе с привязанной к нему ручкой.

Начальник смены: **Заполните.**

Виктор: **Что это? Что заполнять?**

Начальник смены: **У вас первое свидание с дочерью?**

Виктор: **Да, первый раз.**

Начальник смены: **Поставьте здесь номер, здесь число, здесь время свидания. Здесь подпись.**

Виктор: **Понятно.**

Виктор быстро заполняет нужную графу.

Тем временем Помощник Начальника смены изучает содержимое пакета Виктора.

Помощник: **А это что у вас?**

Виктор: **Где? А... Фрукты, шоколад.**

Помощник: **Нет. Ничего этого нельзя. Оставьте здесь, потом заберете.**

КОРИДОРЫ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА. ДЕНЬ

Виктор в сопровождении дюжей медсестры идет по коридорам центра. Типичная больница: двери с мутными стеклами, кафельные полы.. Но коридоры перегорожены решетками, словно в тюрьме. Возле каждой новой решетки – медсестры в военной форме открывают и закрывают замки.

ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ СВИДАНИЙ. ДЕНЬ

Медсестра открывает перед Виктором очередную дверь-решетку.

Медсестра: **Вот тут и подождите.**

И уходит.

Виктор входит в большую, просторную комнату с широким окном, до половины замазанным известкой. Комната перегородена идущей от стены к стене стойкой. У стойки стоит больничный колченогий стул – и точно такой же стул стоит по ту сторону, они направлены один к другому. Вдоль стены – старый продавленный диванчик с обшарпанными деревянными подлокотниками.

Виктор садится на диван и ждет. Ничего не происходит. Из-за дверей слышны то ритмичная музыка и голос: «И-и раз... и-и два...», словно на уроке физкультуры, то мелодия последнего шлягера и множественный топот, словно с дискотеки, то какие-то неразборчивые крики. Доносится жизнерадостный голос.

Женский голос: А ну веселей, ребятки! Бодрей, бодрей! В жизни надо быть шустрыми, жизнь штука такая, ждать не станет! Кто задумался – тот пропал! Улыбочки, улыбочки!

Виктор нервно взглядывает на часы.

Открывается дверь в противоположном торце комнаты. Две санитарки вводят Иру. Одна легонько подталкивает ее в спину.

Первая санитарка: Иди, Ирочка, иди.

Ира в больничном халате, который висит на ее исхудавшей фигурке как на вешалке, переставляя ноги, будто во сне, идет к своему стулу. Садится. Санитарки стоят чуть поодаль за спиной Иры, словно она не ребенок на лечении, а малолетняя преступница, которой разрешили свидание с адвокатом.

У Иры остановившийся взгляд, бледное лицо с синяками под глазами.

Виктор в ужасе, ошеломлении смотрит на нее, потом медленно подходит ближе, садится на свой стул.

Виктор: Ты... Ты... Как себя чувствуешь? Ты что, болела?

Ира молчит.

Виктор: Ира... Ира, ты что, не узнаешь меня?

Она смотрит Виктору прямо в лицо, но будто не видит его.

Вторая санитарка: Ирочка, ответь папе.

Ира: Ты читал нам стихи. Я помню.

Виктор: Стихи? Какие?

Ира: Мы сидели в подвале, а ты читал стихи.

Пауза. Виктор выжидательно смотрит дочери в лицо.

Ее губы начинают чуть шевелиться, словно она что-то произносит про себя – может быть, те самые стихи, которые вдруг вспомнила.

Виктор (тихо, обращаясь к санитаркам): Что вы с ней сделали? Что происходит?

Санитарки делают вид, что не замечают вопрос Виктора. Ира молчит, и только губы ее вздрагивают.

Первая санитарка: Ирочка, расскажи папе, как детки тут живут. Что вчера по телевизору смотрели...

Вторая санитарка (Виктору поверх Иры, доверительно): Стесняется. Так-то она уже бойкая...

Ира: Мы смотрели шоу. Там надо было угадать, кто хуже всех...

Вторая санитарка (обрадовано): Ну вот, молодец. А почему детки смотрят это шоу?

Ира (говорит заученно, как во сне): Потому что надо любить то, что нравится всем... Надо быть как все... Надо себя заставить...

Вторая санитарка (радостно): Умница! Молодец! (Баневу.) Ну вот, видите? Выздоровливает она. Идет на поправку.

Первая санитарка: Спой, Ирочка. Вы же песенку разучивали, спой.

Ира молчит. Только губы ее, замершие было, вновь начинают шевелиться, словно она и впрямь что-то беззвучно поет.

Виктор сглатывает ком в горле. Он неожиданно перегибается над стойкой, хватая Иру за руку, задирает ей рукав. Вся рука Иры – в точках уколов.

Виктор (с тихим, ледяным бешенством): Чем ее колют?

Первая санитарка: Ну, это врача надо спрашивать... Чем надо – тем и колют.

Виктор: Я спрошу! Я так его спрошу!!!

Он вылетает из комнаты в коридор. Дверь громко хлопает, закрывшись за ним.

КОРИДОРЫ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Виктор стремительно шагает по коридорам центра, выставив вперед руку со своим удостоверением и бумагами. От него шарахаются какие-то люди, кто-то бежит за ним, кто-то торопливо крутит диск внутреннего телефона. Виктор открывает одну дверь, другую.

Голоса сзади: Господи Банев! Господин Банев, остановитесь!

Банев (яростно): Мне нужен директор! Я хочу видеть директора реабилитационного центра!

Голоса сзади: Господин Банев, мы применим силу!

Поздно. Перед Баневым дверь – «Директор». С треском он распахивает дверь.

КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

Виктор решительно входит, но неожиданно останавливается у входа, оглядывая помещение. Вместо стандартного начальственного кабинета он видит..

...странные лабиринты из стеклянных стеллажей, на которых расположены какие-то сосуды с непонятной органической тканью.

Вокруг тишина, мерное пощелкивание какого-то прибора. Из глубины помещения доносится звук работающего принтера.

Банев идет на этот звук. Он сворачивает за угол..

...и сразу выходит к столику, за которым у компьютера сидит человек в очках – Директор. Заметив Банева, Директор удивленно поднимает голову, встает.

Директор: В чем дело? Что вам угодно?

Виктор: Моя фамилия Банев. Ба-нев.

Директор: Послушайте, господин Банев. Вы не имеете права здесь находиться.

Виктор (перебивает): Мне нечего слушать. Я член международной комиссии, понятно? И я требую, чтобы мне отдали моего ребенка. Немедленно! Вы расслышали?

Директор: Ах вот что...

Виктор: А с вашим так называемым лечением будут разбираться на самом высоком уровне. Это я вам обещаю. Это я вам устрою.

Директор: Вы все сказали? Покиньте территорию центра. Немедленно.

Виктор: Что? Вы еще приказывать мне будете?!

Он стремглав направляется к выходу из помещения, а через несколько мгновений Директор, неподвижно стоящий у своего стола, слышит из коридора истошный крик медсестры:

Медсестра: Куда? Туда нельзя! Стойте!

Директор нажимает кнопку на столе.

Директор: Вызовите охрану в конце концов. У нас тут проблемы.

КОРИДОРЫ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

По коридору бегут охранники в спецодежде, догоняют Виктора. Скручивают. Он пытается вырваться, но безуспешно. Раздаются отрывистые команды, обычные для таких ситуаций:

Первый охранник: Стоять! Руки за голову!

Второй охранник: Ноги расставил! Расставил ноги, я кому сказал!

По коридору подходят к ним, уже не торопясь, Директор центра и Врач.

Банев молча, с ненавистью смотрит на них, и тяжело дышит.

Директор центра обращается к охранникам.

Директор: Отпустите его.

Банев выпрямляется.

Банев (медленно, с трудом переводя дыхание): Я хочу знать, почему мне отказано в праве забрать отсюда моего ребенка. Почему?

Директор: Вы хотите знать?

Банев: Да. Я хочу знать.

Директор: Хорошо. Проведите господина Банева в пятый блок.

Врач (тихо, Директору): Вы что? Не надо этого...

Директор: Надо! Надо, я сказал! Он же нам международной комиссией угрожает. Прошу, господин Банев!

ПЯТЫЙ БЛОК РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Банев, врач, медсестра и двое охранников идут мимо закрытых полупрозрачными пластиковыми занавесями входов в боксы. Из боксов время от времени доносятся приглушенные стоны, хрипы, невнятное бормотание.

Врач резким движением открывает один из боксов. В продолговатом прозрачном контейнере, облепленный проводами и датчиками лежит мальчик лет десяти. Он судорожно заглатывает воздух, смотрит бессмысленно на стоящих перед ним людей. Рядом два лаборанта. Они готовят мальчика для погружения в барокамеру, прикрепляя датчики. Она стоит открытая, и внутренние носилки выдвинуты наружу.

Некоторое время все молча стоят у барокамеры, глядя на лицо мальчика. Затем врач поднимает глаза на Виктора.

Врач (бесстрастно): Попытка самоуничтожения посредством волнового воздействия на собственный организм. Попытка бессознательная. Поэтому мы не можем помочь. Мы просто бессильны. К сожалению.

Врач задергивает занавеску, переходит к следующему боксу. Отдергивает занавеску.

Виктор вздрагивает.

Через стеклянную крышку барокамеры Виктор видит Борю Куницу. Его почти невозможно узнать. Он также опутан проводами и датчиками. Язвы и струпья покрывают его тело. Мальчик чуть улыбается глазами, увидев Виктора – похоже, он узнал его.

Врач: Второй случай. Воздействие собственным волевым импульсом на ткани жизненно важных органов с целью прекращения жизнедеятельности. По сути – тоже самое, что и в первом случае. Доступно излагаю? Еще показывать, господин член международной комиссии?

Виктор молчит.

Врач: Я к вам обращаюсь! Вы слышите меня?

Виктор: Слышу. Достаточно.

Врач задергивает занавеску, поворачивается к Баневу.

Виктор: Я ничего не понимаю. То есть... что это? Почему?

Врач (наклонившись к Виктору, тихо): У вас есть сигарета?

Виктор: Что?

Врач: Сигарета. Курить хочется.

Виктор торопливо начинает рыться в кармане, достает пачку сигарет.

Врач: Да не здесь. Тут нельзя.. Идемте.

Они заходят в какое-то подсобное помещение, закуток. Оба жадно закуривают по сигарете.

Врач: Вы не подумайте... Для них делается все, что возможно, и даже еще больше. Лучшие врачи, лучшие клиники анализируют информацию... Если б в этом было дело. Дело в другом... Есть такое слово – «чахнуть». Знаете? Когда цветочек вынуть из земли и пересадить... Поливай, не поливай, а он все равно чахнет... Не может прижиться. Так и они. Их все ранит в нашем мире. Вся наша жизнь для них сплошная рана, страдание... Их разум, их состояние души влияют как-то на процесс жизнедеятельности. Вот в чем вся тайна. (Добавляет совсем тихо.) Я думаю, они жить не хотят.

Виктор: Как не хотят? Где не хотят?

Врач: Нигде. Среди нас не хотят. Среди вас, среди таких, как мы. Как вы..

Виктор: Подождите... Это со всеми детьми? То есть, я хочу сказать – это у всех у них?

Врач: В той или иной степени – у всех. У кого больше, у кого меньше... У кого-то еще в скрытой форме. Как у вашей дочери, например. Поэтому у нее еще есть надежда. Может быть...

КОРИДОРЫ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Виктор идет по коридору, в конце его – дверь. Возле нее медсестра в форме у столика, то ли дежурит, то ли охраняет. Банев показывает ей пропуск, медсестра подходит к двери, набирает код. Раздается щелчок, дверь медленно открывается. Виктор входит в темное помещение, дверь за ним закрывается.

ПАЛАТА ИРЫ. НОЧЬ

Вначале Виктор стоит на пороге и не идет дальше, ожидая, когда глаза привыкнут к сумраку. Затем он замечает на койке сидящую Иру. Она сидит к нему спиной и смотрит в сторону темного окна с грубой железной решеткой. Там идет дождь и снег. На фоне уличного фонаря мелькают снежинки.

Виктор подходит и садится рядом. Они сидят довольно долго, молча – похоже, Банев не знает, с чего начать. Как сказать то, что он хочет сказать ей? Да и вообще, что тут можно сказать? Какими словами можно убедить человека жить, если он жить не хочет, потому что весь мир ему чужд и противен?

Виктор: Я сейчас был внизу... Видел Борю Куницу.. Он погибает.

Ира (тихо): Я знаю.

Виктор: В общем... вернее... нет, я не то хочу сказать. Я... еще в Ташлинске... смотрел на вас, слушал, как вы говорите... и все не мог сообразить – что мне это напоминает? И вдруг понял... мы в вашем возрасте были почти такие же. Ты гений, и весь мир у тебя на ладони... И ты действительно веришь, что глубочайшее естество человека божественное, а не звериное... Что Вселенная пронизана творщим разумом. Так, кажется, учил вас Зиновий... Я слышал... Ну да... Я ведь понимаю... Наша жизнь, если смотреть сверху, с небес... наверное, просто чудовищна... Все бессовестно, бесстыдно... Жестокость невообразимая. Пошлость... Лживость... Все так, все так. Но мы люди... И надо как-то жить... И надо шаг за шагом пытаться стать лучше, сделать мир лучше... И если хочешь знать, я верю, что мир может быть другим. Человек может быть другим... Прости меня за этот пафос. Но как иначе сказать? Других слов нет... Не бывает... Знаешь, мне вдруг показалось, что у вас – получится. Что вы сумеете совершить этот шаг, этот скачок – от обезьяны к человеку. Ведь у вас были такие учителя... Я только сейчас это понимаю... Такие... Но именно поэтому... они были обречены. Вы должны это понять. Такие не живут в нашем мире. Таких убивают здесь. Либо сразу, либо постепенно. Что мучительнее... Ну, я опять не о том... Про наш мир все понятно. Какой уж тут разум. А я? Я... Наверно, действительно я плохой отец... Никудышный... Так что ты... прости меня... Нет, не так, не то... Ты... прости людей... Вот. Жить больно, и с этим ничего нельзя поделать. Люди очень несчастные... Очень. Они всегда хотели в небо, и у них почти никогда не получалось. Но ведь это не значит, что неба нет. Ведь правда? А тот, кто не захотел жить, – лишает себя неба, навсегда, вот чего я боюсь... Мы пропащие, да, это давно понятно... Но вы-то хоть... не убегайте, Ира. Не уходите! Ведь у нас кроме вас ничего нет! Совсем ничего... Никого...

Он умолкает. Несколько мгновений проходят в полном молчании.

Ира смотрит куда-то перед собой. Кажется, что ее мысли сейчас далеко отсюда. Потом, словно очнувшись, она медленно встает с постели, делает шаг к Виктору и вытирает рукой его щеку, влажную от слез. Затем идет к окну.

Ира подходит к окну. Садится. Смотрит сквозь запотевшее стекло на идущий снаружи дождь и снег.

Проводит ладонью по стеклу, словно гладит его, и в том месте, где прошла ее ладонь, там, снаружи вдруг пропадают потоки ливня, и показывается ровный квадрат чистого звездного неба.

